

K434

Многоуважаемому
Владиславу Петровичу
Бузоскису
г. А. И. Кирпичниковъ.

А. И. Кирпичниковъ.

ОЧЕРКИ П О МИТОЛОГИИ XIX ВѢКА.

(Изъ „Этнографическаго Обозрѣнія“, кн. XXIII).

МОСКВА.

Высочайше утвержденное Товарищество Скоропечатни А. А. Левенсонъ.
Петровка, домъ Левенсонъ.

1894.

К939 | 839 361
Куртис-
кобл

К939 | 839 361
Куртис-
кобл

К939 | 839 361
Куртис-
кобл

К939 | 839 361
Куртис-
кобл

Перки по... 11 1098

Перки по... 11 1098

[illegible]

ОЧЕРКИ ПО МИЕОЛОГИИ XIX ВѢКА.

Около десяти лѣтъ назадъ я напечаталъ въ одномъ изъ журналовъ *) небольшую статью подъ заглавіемъ: „Далеко ли мы ушли отъ миеологическаго міросозерцанія?“ въ которой привелъ рядъ фактовъ (преимущественно изъ газетъ), доказывающихъ жизненность миеическихъ представленій и вѣрованій въ современномъ намъ обществѣ. Хотя количество матеріала, сгруппированнаго мною въ этой статьѣ, было очень не велико и всякій фактъ въ отдѣльности могъ считаться общеизвѣстнымъ, мнѣ случалось встрѣчать на нее ссылки въ журнальныхъ работахъ по этнографіи. Съ тѣхъ поръ я собралъ подобныхъ вырѣзокъ и выписокъ значительно больше, и теперь рѣшаюсь предложить ихъ вниманію этнографовъ въ надеждѣ, что подобныя коллекціи, когда ихъ соберется большое количество, получатъ надлежащее освѣщеніе и и дадутъ достаточный матеріалъ для важнаго отдѣла науки народовѣдѣнія — *современной миеологии*.

Значительная часть жителей земного шара (вѣроятно, большая половина) до сихъ поръ еще стоитъ на миеологической ступени развитія, и изслѣдованіе вѣрованій этихъ дикихъ или полудикихъ племенъ представляетъ важный и огромный трудъ, не только не законченный, а едва только начатый; но въ мою задачу не входитъ даже хотъ съ краю касаться его; это не *современная* миеология, а историческая или даже археологическая: вѣдь кремневые орудія нѣкоторыхъ племенъ въ Австраліи никто не назоветъ предметомъ *современной* культуры. Въ другой, такъ наз. цивилизо-

*) „Новь“, № 1, стр. 46—70.

ванной части человѣческаго рода есть различные по степени развитія слои; верхній уже три столѣтія назадъ вступилъ въ періодъ „разума“, тогда какъ низшій въ своей домашней духовной жизни стоитъ немногимъ выше полудикарей; но такъ какъ правящимъ, дающимъ тонъ классомъ является этотъ верхній интеллигентный слой, то въ жизни общественной и низшій слой становится на точку зрѣнія слоя цивилизованнаго и, стало быть, тоже представляетъ изъ себя культуру современную. Позволю себѣ объяснить сказанное примѣромъ: крестьянинъ изъ Бретани или изъ степной полосы Россіи дома раздѣляетъ всѣ вѣрованія своей матери и жены, различаетъ счастливые и несчастные дни, охотно наблюдаетъ всѣ примѣты, даже ходитъ на поклоненіе священнымъ деревьямъ и пр.; но вызванный въ судъ въ понедѣльникъ, онъ не усумнится итти туда и охотно согласится продать за хорошую цѣну подъ желѣзную дорогу мѣсто суевѣрнаго поклоненія своихъ предковъ. Такимъ образомъ въ своей дѣловой и общественной жизни онъ является *современнымъ* человѣкомъ, сыномъ *отца разума*, и въ этой сферѣ его міеологическое міросозерцаніе выступаетъ только какъ *пережитокъ*, какъ остатокъ старины, интересный для изслѣдователя, но потерявшій всякое практическое значеніе.

Такъ бываетъ большею частію, но далеко не всегда; аккуратно слѣдя за двумя — тремя газетами, русскими или иностранными, въ годъ можно набрать не менѣе сотни такихъ случаевъ, гдѣ такъ называемое народное суевѣріе выступаетъ на практическую почву и привлекаетъ вниманіе полиціи или репортеровъ. Приводить ихъ подъ-рядъ было бы слишкомъ долго, а для меня и невозможно, такъ какъ мнѣ никогда не удавалось правильно и послѣдовательно слѣдить хотя бы за одной газетой; но изъ моей коллекціи вырѣзокъ я могу привести нѣсколько фактовъ, на мой взглядъ характерныхъ въ томъ или другомъ отношеніи.

Фельетонистъ одной изъ южныхъ газетъ („Одесскій Вѣстн.“ 1886 г. 29 мая) рисуетъ, очевидно, съ натуры сцену въ деревнѣ, когда послѣ долгой засухи на небѣ показалась наконецъ дождевая туча; дѣйствіе происходитъ въ большомъ новороссійскомъ селѣ, гдѣ и между крестьянами не мало грамотныхъ и развитыхъ, и гдѣ кромѣ крестьянъ живетъ нѣсколько „интеллигентныхъ“ мѣщанъ и разночинцевъ. Вотъ что между прочимъ говоритъ авторъ:

839 361
Державна Историца
БИБЛИОТЕКА № 11

Немного даже смѣшно было смотрѣть, какъ всѣ, раскрывши рты, полною грудью вдыхали освѣжающій воздухъ. Раскаты грома приближались. Вѣтеръ усилился. Послышались споры. — Разгонить онъ тучи. — Нѣтъ, не разгонить. — Еслибы-то Богъ далъ... только, право, разгонить. — Типунъ вамъ на языкъ... а вотъ смотрите, смотрите!... Всѣ столпились на крыльцѣ. Влажная, сѣрая полоса шла прямо на деревню. Повѣяло совѣмъ дождевой прохладой. Крупныя, тяжелыя капли упали на землю и разбрызгали пыль.

— Марья! Таня! — слышались женскіе голоса: скорѣе снимайте развѣшанное бѣлье! — Э, вы, съ вашимъ тамъ бѣльемъ! *Еще испугаете дождь, — забасили мужчины. Они были готовы снять съ себя все платье и бросить на дождь, если бы это могло доставить ему удовольствіе.* Послышалось быстрое «капъ, капъ, капъ», и сразу, какъ изъ ведра, полился дождь. Мы всѣ высыпали на крыльцо. *Нѣкоторые даже высовывали свои головы и подставляли ихъ подъ струи дождя.* Деревенскія дѣтишки босыми ногами вытанцовывали въ лужахъ какой-то танецъ подъ напѣвъ:

Дождику, дождику, припусти Ведромъ, цебромъ, дойныцею
Та на наши капусты! Надъ всякою папныцею.

Здѣсь дождь представляется, очевидно, живымъ существомъ, одареннымъ волею и даже капризами; его нужно вызывать заклинаніемъ и умиловать покорностью. Но здѣсь это только невинное, почти шутовское *переживаніе*; это скорѣе поэтическая фигура, чѣмъ вѣрованіе: мушкетеры кричатъ на бабъ не въ серьезъ и, можетъ быть, сами въ тоже время прячутъ вещи, которыя могутъ испортиться отъ дождя. Гораздо серьезнѣе дѣло поставлено въ другомъ случаѣ, который имѣлъ мѣсто тоже въ южной, но несравненно менѣе культурной деревнѣ и обратилъ на себя вниманіе администраціи. Въ „Новороссійскомъ Телеграфѣ“ отъ 16 іюня 1893 г. мы читаемъ:

Въ засѣданіи палаты разсматривалось любопытное дѣло, возникшее на почвѣ народнаго суевѣрія. Обвинялся сельскій староста Петръ Дубненко въ превышеніи власти, выразившемся въ томъ, что онъ заковалъ въ цѣпи одну крестьянку, которую онъ, вмѣстѣ съ толпою, принялъ за вѣдьму. Въ деревнѣ Нововладиміровкѣ 21 мая 1891 года былъ крестный ходъ и молебствіе на кладбищѣ о ниспосланіи дождя. Когда Александра Лапущенкова подошла поцѣловать крестъ, бывшій у нея за пазухой котенокъ замыкалъ. Толпа приняла ее за вѣдьму, и такъ какъ стоитъ лишь окатить вѣдьму водою, чтобы пошелъ дождь, то бѣдную бабу трижды окунули въ

прудѣ, затѣмъ бросили въ яму, гдѣ продолжали окачивать водою; наконецъ, самъ староста помогъ заковать ее въ цѣпь. Палата утвердила приговоръ окружнаго суда, коимъ староста приговоренъ къ тюремному заключенію на 2 мѣсяца.

Жестокая расправа крестьянъ съ женщинами, подозрѣваемыми въ *вѣдѣствѣ*, очень часто доходитъ до суда и попадаетъ въ газеты. Вотъ одинъ изъ самыхъ ужасныхъ случаевъ, сообщаемый фельетонистомъ „Бессарабскаго Вѣстн.“ (24 января 1891 г.) и вызывающій его на самыя печальныя размышленія о „невѣжествѣ народныхъ массъ“:

Въ дер. Песцидло, Плоцкой губ., проживалъ крестьянинъ Іосифъ Пикала, 62 лѣтъ. Въ февралѣ мѣсяцѣ 1890 года, старикъ заболѣлъ довольно продолжительною болѣзнію. Пикала и всѣ его сосѣди единогласно рѣшили, что старика «очаровала» извѣстная колдунья, Фаустина Кржеминьская, крестьянка той же деревни, пылавшая местью ко всей семьѣ Пикалы за то, что сынъ его соблазнилъ дочь колдуньи. Рѣшено было для спасенія старика отъ смерти, привести къ нему Кржеминьскую и заставить ее изгнать изъ больного «нечистую силу», или иначе «злаго духа». Сначала колдунья отказалась исполнить это требованіе, но, подъ влияніемъ угрозъ и затѣмъ побоевъ, нанесенныхъ ей братомъ больного, Игнатіемъ Пикалой и Игнатіемъ Стельмасевичемъ, согласилась.

Узнавъ о необыкновенномъ «представленіи», изгнаніи бѣса изъ больного, на дворъ къ Пикалѣ сбѣжалось сотни двѣ крестьянъ, изъ окрестныхъ даже деревень. Обрядъ изгнанія бѣса начался съ того, что прежде всего братъ больного, Игнатій Пикала, заставилъ колдунью выпить стаканъ воды, въ который плюнулъ зачарованный. Затѣмъ Кржеминьская нагнулась надъ больнымъ, приблизила губы свои къ губамъ его и повторила троекратно на польскомъ языкѣ:

— Злой бѣсъ, оставь его и поселись у меня! Я жду тебя!.

— Ну, что, лучше вамъ? спросили у больного сосѣди.

— Нѣтъ, вовсе не лучше, отвѣтилъ имъ шепотомъ старикъ.

— Значить колдунья не изгнала бѣса, рѣшили единогласно мужички. Кржеминьская клялась, что она болѣе ничего сдѣлать не можетъ; но крестьяне не вѣрили этому и рѣшили побоями заставить колдунью добросовѣстно исполнить ихъ требованіе. Колдунью вытащили на дворъ, гдѣ и началась страшная расправа, продолжавшаяся три часа. Несчастную женщину били палками, мокрыми веревками, ремнями и т. п. Во время перерывовъ заставляли они Кржеминьскую входить въ хату Пикалы и провозглашать слова:

— Злой бѣсъ, оставь его и поселись у меня! Я жду тебя!...

Больной всякій разъ повторялъ своимъ сосѣдямъ:

— Нисколько это мнѣ не помогло: лучше ее дерите!

Стали «драть» лучше, а затѣмъ топтать ногами, бить кулаками и пр. Спусти три часа, Кржеминьская представляла собою лишь одну кровавую массу. Врачебной экспертизой установлено было переломъ одной ноги, руки и семи реберъ. Кржеминьская оправилась отъ болѣзни, но осталась на всю жизнь калѣкой; Иосифъ Пикала скончался на слѣдующій день послѣ страшной расправы съ колдуньей изъ-за бѣса.

Въ истязаніи Кржеминьской обвинялись крестьяне: Игнатій Пикала, Стельмашевскій, Витковский и Голеневскій, главные зачинщики. Всѣ четверо были приговорены Пломкимъ окружнымъ судомъ къ лишенію особыхъ правъ и преимуществъ и отдачѣ въ исправительныя арестантскія роты срокомъ на одинъ годъ и три мѣсяца.

Вѣра въ вѣдовство вовсе не ограничивается темной массой деревенскаго люда; она сильна и въ большихъ центрахъ, только принимаетъ тамъ по внѣшности болѣе культурныя формы. Въ „Одесскихъ Новостяхъ“ за 1888 г. мы читаемъ:

8-го декабря 1887 г., въ сессію с.-петербургскаго окружнаго суда, въ г. Царскомъ Селѣ, слушалось въ высшей степени интересное дѣло, какъ по роду преступленія, рѣдко достигающаго до суда, такъ и по обстоятельствамъ, которыми было обставлено это преступленіе. На скамью подсудимыхъ явилась старуха, лѣтъ 60, но еще сохранившая слѣды прежней красоты, с.-петербургская мѣщанка Вержбицкая. Дѣянія ея заключаются въ слѣдующемъ: въ концѣ августа 1887 г., живущая въ Колпинѣ мѣщанка Сѣрина заявила мѣстной полиціи, а затѣмъ подтвердила на допросѣ, что 7-го марта, возвращаясь отъ всенощной съ своей знакомой Антоновой, она была остановлена на улицѣ совершенно неизвѣстной ей, хорошо одѣтой старухой, лѣтъ 60-ти, которая передала ей письмо отъ знакомыхъ ея В. и А. Постниковыхъ и тутъ же стала рассказывать, что занимается лѣченіемъ и гаданьемъ, знаетъ много высокопоставленныхъ лицъ, имѣетъ доступъ ко Двору и зарабатываетъ большіе деньги. Про себя говорила, что она московская купчиха, родомъ гречанка, имѣетъ въ Москвѣ сына и дочь. Она зашла въ квартиру Сѣриной, осталась ночевать и уговорила хозяйку полѣниться у нея, прося за это 50 руб. и половину впередъ. Сѣрина отказалась, говоря, что уже лѣчится у барона Вревскаго, который ей помогаетъ, но неизвѣстная критиковала лѣченіе Вревскаго и утверждала, что у Сѣриной боль только усыплена, а чрезъ два года возобновится, и тогда у нея будетъ припадокъ на улицѣ, она попадетъ въ сумасшедшій домъ и тамъ умретъ. Уговаривая ее

полѣчиться, неизвѣстная говорила, что она знаетъ, что у Сѣриной есть деньги и что у нея заложены брилліантовые серьги и часы Постниковой, что оказалось совершенно справедливо. Наконецъ, послѣ долгихъ переговоровъ, Сѣрина согласилась испробовать лѣченіе неизвѣстной женщины, которая заявила, что прежде всего она должна погадать, потребовала стаканъ съ водою, положила въ него кусокъ воска, приказавъ накрыть стаканъ трехрублевой бумажкой и рубашкой Сѣриной. При этомъ она объяснила, что если къ слѣдующему дню съ воскомъ произойдетъ какая-либо перемѣна, то она возьмется ее лѣчить, въ противномъ же случаѣ должна будетъ отказаться. На слѣдующее утро на воскѣ образовалось 6 коронокъ и неизвѣстная объявила Сѣриной, что это значить, что ея жизнь разцвѣтетъ подобно этому воску. Лѣченіе состояло въ томъ, что она давала Сѣриной какой-то настойки, которую и сама пила, а затѣмъ капли, остатки которыхъ въ сткланкѣ Сѣрина представила; кромѣ того, у нея была съ собою жареная рыба, хлѣбъ и кофе, которые она приказывала ѣсть и пить. Отъ этого лѣченія Сѣрина стала чувствовать себя какъ будто бодрѣе, но въ то же время слабѣла. Лѣченіе продолжалось три дня, и неизвѣстная заставляла ее въ первый день класть подъ мышками и на сердце по 27 коп., на второй день по 91 к. и, наконецъ, по рублю. Въ это время она уговорила Сѣрину взять ея деньги, которыя хранились внѣ дома, къ себѣ, такъ какъ безъ денегъ лѣчить нельзя; наконецъ, 10 марта она собралась уѣхать и велѣла Сѣриной принести деньги. Та принесла 2.700 р., состоявшіе въ разныхъ билетахъ, которые были вложены въ чулокъ, причемъ неизвѣстная говорила, что они вложены не такъ, какъ слѣдуетъ, и сама всовывала руку въ чулокъ и что-то поправляла; затѣмъ чулокъ былъ ею связанъ и положенъ въ комодъ, ключъ отъ котораго неизвѣстная взяла къ себѣ и приказала Сѣриной не дотрогиваться до денегъ въ теченіе мѣсяца, говоря, что если она ослушается, то ее «обхватитъ пламенемъ», а сама обѣщала вернуться чрезъ два дня. На прощаніе неизвѣстная стала катать на груди Сѣриной яйцо, которое потомъ положила на полъ и велѣла раздавить лѣвой ногой и посмотрѣть въ него. Когда Сѣрина заглянула въ раздавленное яйцо, ей показался маленькій чортикъ, и она окончательно обомлѣла. Послѣ этого неизвѣстная потребовала серьги и часы Постниковой, велѣла положить ихъ въ скорлупу и объявила, что возьметъ ихъ съ собою, такъ какъ необходимо на время удалить изъ дома все серебро и золото. Сѣрина была такъ перепугана, что готова была согласиться на все, и неизвѣстная уѣхала на извозикѣ въ село Рыбацкое. Когда черезъ два дня лѣкарка не пріѣхала, Сѣрина послала за слесаремъ и вынула чулокъ, и въ немъ вмѣсто билетовъ на 2.700 руб. оказалась

рванная книга и то письмо отъ Постниковыхъ, о которомъ говорилось выше. На другой день Сѣрина поѣхала къ Постниковымъ, но они сказали ей, что никакого письма не писали и передавать ей не поручали. Въ Рыбацкомъ, отъ Брюховыхъ Сѣрина, наконецъ, узнала, что неизвестную зовутъ А. Ф. Вержбицкой и что она петербургская мѣщанка, а по розыску оказалось, что она уже успѣла скрыться изъ Петербурга. Между тѣмъ, въ концѣ апрѣля судеб. слѣдователь былъ увѣдомленъ спб. мѣщанской управой, что Вержбицкая обратилась въ управу съ прошеніемъ о высылкѣ ей новаго паспорта въ Псковъ, гдѣ она живетъ въ Завеличѣ, въ д. Серебрякова. Вержбицкая въ своемъ показаніи добавила, что въ деньгахъ она никогда не нуждалась, такъ какъ у нея, не смотря на ея 59 лѣтъ, есть другъ, который ее содержитъ и даетъ деньги, и указать этого человѣка она не считаетъ себя въ правѣ. При дѣлѣ есть справка, изъ которой видно, что Вержбицкая въ 1883 г. была осуждена мир. судьей за мошенничество и приговорена къ заключенію въ тюрьмѣ на три мѣсяца.

Едва ли нужно объяснять, что Сѣрина, отдававшая свои серьги и часы и не смѣвшая дотрогиваться до денегъ, чтобы ее не „обхватило пламенемъ“, вовсе не была такъ наивна, какъ можетъ показаться людямъ, незнакомымъ съ приемами вѣдовства: извѣстно, что золото и серебро (а по аналогіи съ ними и бумажные деньги) заключаютъ въ себѣ чудодѣйственную силу, то способствующую, то препятствующую успѣшности колдовства, и что *золото и огонь* тѣсно связаны въ мифопоэтическомъ представленіи всѣхъ народовъ *).

Чертенокъ, выскакивающій изъ разбитаго яйца, встрѣчается въ другомъ случаѣ современнаго колдовства, причемъ референтъ дѣлаетъ остроумную попытку реальнаго его объясненія. Вотъ что рассказывается въ письмѣ изъ Кубанской области, перепечатанномъ въ „Одесс. Вѣстн.“ 1893 г. 1 марта:

Въ концѣ минувшаго года появился въ Темнолѣсской станицѣ страннаго вида и наружности человѣкъ: одѣтый въ хитонъ, нечесанный, немытый, обросшій волосами, «зѣло страшенъ видомъ и звѣроподобенъ». Войдя въ станицу, онъ прямо направился въ одинъ изъ богатыхъ крестьянскихъ дворовъ. Его встрѣтила, за отсутствіемъ изъ дому мужа, старуха, главная хозяйка въ домѣ, и спросила—что ему нужно?.. Невѣдомый человѣкъ оста-

*) См. *Аванасевъ*, Поэт. Возвр. I, 200 и слѣд. О силѣ металловъ см. *Тейлоръ*, Первоб. культура I, 131 и *passim*.

новился среди двора, внимательно осмотрѣлъ его и, обратясь къ старухѣ, отвѣчалъ:

— Есть у тебя, бабушка, скотинка, и не мало, а молока и масла у тебя немного.—Правда твоя, батюшка, отвѣчала старуха: — скотинки у меня много, а удои плохіе; видно, оттого, что зима...—Не оттого, что зима, а потому, что у васъ въ домѣ нечисто. Завелся у васъ «онъ самый»... онъ-то и выдаиваетъ коровъ по ночамъ.

Старуха сильно струхнула и смутилась. Правда, она давно уже замѣтила, что въ домѣ что-то «неладно», и только теперь сразу поняла въ чемъ дѣло. «Колдунъ» (какъ его потомъ прозвали въ станицѣ) предложилъ свои услуги—выгнать нечистаго изъ дому; старуха съ великою радостью согласилась. О цѣнѣ за трудъ—ни слова: «поговоримъ-де послѣ», объяснилъ колдунъ. Началъ онъ продѣлывать различныя манипуляціи: обошелъ весь дворъ кругомъ, останавливался нѣсколько разъ, произносилъ какія-то страшныя слова и заклинанія на непонятномъ для крестьянъ языкѣ, сталъ наконецъ посреди двора и потребовалъ куриное яйцо. Получивъ его, онъ снова принялся за заклинанія и нашептыванія, ловилъ что-то въ воздухѣ руками и затѣмъ передалъ яйцо старшему сыну старухи, уже женатому и имѣющему дѣтей мужику, и велѣлъ ему обойти съ этимъ талисманомъ дворъ, по его, колдуна, слѣду. Когда крестьянинъ со страхомъ и трепетомъ исполнилъ это приказаніе и вернулся къ колдуну, тотъ взялъ яйцо, дунулъ на него, плюнулъ и, передавъ въ руки старухи, крикнулъ: — На, разбей — и убей его! Старуха ударила яйцо о земь и—о ужасъ!—изъ яйца выскочилъ чертенокъ, съ рогами и съ хвостикомъ... Старуха дико вскрикнула и убѣжала въ избу. На дворѣ остались мужчины, любопытныя бабы и дѣти.

— Да убейте же его, убейте!—приказывалъ колдунъ; но никто, однако, не рѣшался на этотъ подвигъ: все пятились по направленію къ избѣ, прячась другъ за друга. Наконецъ, изъ толпы выдѣлился средній сынъ старухи, подошелъ къ чертенку, перекрестился и сильно придавилъ его каблукомъ... Чертенокъ пискнулъ, подпрыгнулъ, но остался живъ и невредимъ. Тутъ уже и храбрецъ, придавившій чертенка, не выдержалъ: бросился въ домъ, а за нимъ убѣжали и все прочіе, заперли за собою сѣни на засовъ, и уже оттуда, изъ сѣней, чрезъ маленькое слуховое окно, стали умолять колдуна: уйти поскорѣе съ ихъ двора и его увести съ собою. Но это уже не такъ то легко было сдѣлать: колдунъ ни за что не хотѣлъ уходить «съ пустыми руками», какъ онъ выражался, и потребовалъ «выходныхъ» десять рублей.—Иначе, говорилъ онъ, я пушу его въ трубу—и домъ сгоритъ... А домъ-то былъ новый, только что выстроенный, о трехъ большихъ и чистыхъ комнатахъ. Дѣлать было

нечего: стали торговаться чрезъ окошко и покончили на пяти рубляхъ. Получивъ деньги, колдунъ поднялъ съ земли чертенка, положилъ его, къ общему ужасу, за пазуху и ушелъ со двора. Понятно само собою, что, прежде чѣмъ онъ ушелъ, слава о «колдунѣ» разнеслась уже по всей станицѣ; въ результатъ—началась хорошая «практика»: съ лавочника, напр., этотъ обманщикъ взялъ 25 рублей и далъ ему за эти деньги подкову-талиманъ, который долженъ принести за собою въ будущемъ громадныя богатства въ домъ. Уходя изъ станицы, «колдунъ» погрозилъ на людей, его провожавшихъ, и серьезно сказалъ:—Смотрите, не браните меня! А то будетъ худо. Теперь, вздыхая о потерянныхъ деньгахъ, мужички, однако, добавляютъ вполголоса:—Бранить его и вправду нельзя; вѣдь неизвѣстно — кто онъ самъ то!... Куда ушелъ этотъ ловкій обманщикъ изъ Темнолѣсской станицы—никто изъ мужиковъ не знаетъ, такъ какъ колдунъ запретилъ слѣдить за нимъ и разспрашивать о немъ и объ его знахаркѣ. Но если мы, «вверху стоящие, что городъ на горѣ», припомнимъ объ игрушкѣ, довольно распространенной въ Петербургѣ восемь лѣтъ тому назадъ (коробочка отъ шведскихъ спичекъ, изъ которой, при открываніи, выскакивалъ мышенокъ, или же вылеталъ вверху маленькій гуттаперчевый чертенокъ, пицавшій при паденіи на полъ), то легко, конечно, отгадаемъ то, чего не могли отгадать и постигнуть темные люди, обитающіе въ станицѣ Темнолѣсской. Ларчикъ, какъ видите, открывается просто: обманщикъ заготовляетъ заранѣе яйцо съ фигуркою чертенка и очень ловко подмѣниваетъ затѣмъ одно яйцо другимъ. («Нед.»)

Приводимъ еще два трагическихъ случая вѣры въ колдуній изъ подгородныхъ мѣстъ южной Россіи. „Петерб. Газ.“ 1884 г. въ № 4 сообщаетъ:

Въ «Нов. Тел.» пишутъ изъ Херсона: На прошлой недѣлѣ, на одномъ изъ херсонскихъ подгородныхъ хуторовъ, имѣлъ мѣсто слѣдующій случай. На хуторѣ этомъ жила мѣщанка Марѳа Артынова, одинокая, безпріютная женщина, изъ-за куска хлѣба и угла для ночлега обучавшая дѣтей хуторянъ грамотѣ. Недѣлю позанимается въ одной семьѣ, недѣлю въ другой, и такимъ образомъ, имѣетъ, что поѣсть и гдѣ переночевать. У одного изъ хозяевъ, гдѣ Артынова обучала дѣтей грамотѣ, пропало сто руб. Поиски уворовавшаго не увѣнчались успѣхомъ, поэтому рѣшено было обратиться къ мѣстной ворожеѣ—узнать по картамъ вора. Разложила ворожея карты и, къ удивленію всѣхъ, сообщила, что всѣ улики въ воровствѣ денегъ падаютъ на Артынову. Обращаются къ послѣдней; та, конечно, увѣряетъ, что денегъ и не брала и не видѣла. Но свидѣтельство ворожеи имѣетъ неопровержимую правдивость. Повели Артынову на

кладбище, привязали ее къ кресту и били нагайками, пока тѣло ея не покрылось сплошными синяками; затѣмъ подвѣсили ее къ кресту такъ, что она не касалась ногами земли, и продолжали ее бить. Артынова упорно защищала свою невинность. Но разъяренная хуторская публика пошла еще далѣе. Принесены были щипцы, которыми вытягивали кожу на шеѣ и языкъ до того, что языкъ оказался разорваннымъ, и изо рта лилась струя крови. Напрасно Артынова умоляла о помилованіи, защищая свою невинность. На всѣ молебны о помилованіи, ей отвѣчали: «если ты невиновна въ кражѣ денегъ, тебѣ не будетъ больно». Послѣ долгихъ истязаній, наконецъ, Артынову отпустили; измученная женщина едва въ состояніи была двигаться послѣ этой пытки. Явившись въ Херсонъ, она заявила о случившемся судебному слѣдователю. Виновные привлечены къ отвѣтственности.

Въ газетѣ „Южн. Край“ 1883 г. 23 окт. мы находимъ такой печальный разсказъ:

Изъ м. Браилова, Подольской губ., пишутъ: Въ концѣ мѣстечка, въ улицѣ, ведущей къ вокзалу желѣзной дороги, живетъ старуха съ сыномъ и дочерью. Дочь уже въ зрѣломъ возрастѣ. Старуха, по отзывамъ сосѣдей, ни въ чемъ дурномъ раньше не была замѣчена. Между дочерью и парубкомъ изъ сосѣдняго двора возникли любовныя сношенія. Впрочемъ, они далеко не зашли, потому что старуха была кѣмъ-то заподозрѣва въ «чаривничествѣ» и такимъ образомъ навлекла на себя мѣсть парубка. Вечеромъ 9 сентября, онъ, поймавъ старуху, когда та проходила мимо его двора, перебросилъ ее черезъ ворота во дворъ и закричалъ, что поймавъ вѣдьму. По его словамъ, она была съ распущенными волосами и вылила на землю изъ горшка «зелье», которымъ хотѣла «причаровать его, чтобы дочку любить». Немедленно родные парубка скрутили женщину назадъ руки и стали варварски издѣваться надъ «чаривницей». Сбѣжались сосѣди, и образовалась толпа, которая быстро росла, и вскорѣ вся улица была запружена народомъ. Обезпамятѣвшую отъ истязаній, семидесятилѣтнюю «чаривницу» мучили всю ночь и половину слѣдующаго дня. Ни молебны дочери, ни угрозы сына, ни вмѣшательство помощника урядника не могли повліять умиротворяющимъ образомъ на возбужденную толпу, требовавшую возмездія за «чары». Старуху избили, переломали ей руки, и только, когда она лишилась чувствъ, удалось освободить ее.

Въ приведенномъ мною (см. вышеуказанную статью, стр. 59) случаѣ съ собакой-оборотнемъ въ очаковской полиціи я отмѣтилъ любопытное столкновеніе новаго порядка вещей (полицейскаго

дознанія) съ древнимъ вѣрованіемъ. Какъ ловкіе люди пользуются такой дисгармоніей, наглядно показываетъ сообщеніе тѣхъ же „Харьк. Вѣд.“ (1884 г. 15 мая) изъ мѣстечка „Бѣлая Церковь“ о евреяхъ мясникахъ, которые, зная о вѣрованіи крестьянъ въ цѣлебную силу печенки изъ чернаго вола, деруть съ нихъ неимовѣрныя деньги, увѣряя при этомъ, что если покупатель этой цѣлебной печенки будетъ торговаться, то она не произведетъ спасительнаго дѣйствія, и ставятъ крестьянамъ въ примѣръ аптеки, гдѣ торговаться тоже нельзя, объясняя это тѣмъ, что въ противномъ случаѣ лекарство не можетъ принести той пользы, какую отъ него ожидаютъ“. Кто не знаетъ, что въ сказкахъ и сагахъ всѣ чудесные предметы приобретаются именно безъ торгу?

Отмѣтимъ два случая, гдѣ колдовство имѣло подъ собою реальную почву въ видѣ легкой отравы. Въ „Трудахъ Орловской Ученой Архивной Комиссіи“ (выпускъ V, Орель 1889 г., стр. 10—11) разсказывается, что въ сороковыхъ годахъ жилъ въ Орлѣ крестьянинъ Милютинъ, который увѣрялъ, что у него подъ избою находится кладъ; онъ спаивалъ легковѣрныхъ дурманомъ и водилъ ихъ въ подполье; тѣ въ подробности видѣли кладъ и давали ему деньги, что бы достать *разрывъ-траву*, безъ которой кладъ не давался.

Другой случай беремъ изъ „Современныхъ Извѣстій“ за 1881 г. № 244.

„Новороссійскій Телеграфъ“ сообщаетъ слѣдующія подробности о разбивавшемся на дняхъ у мирового судьи 5 участка города Одессы уголовномъ дѣлѣ, въ которомъ въ качествѣ обвиняемой фигурировала цыганка, аккерманская мѣщанка Иванюнова. Два мѣсяца тому назадъ въ мясную лавку Полищукowychъ, въ Одессѣ, пришли двѣ цыганки, которыя, купивъ мяса, предложили погадать. Матрена Полищукова, жена мясника, согласилась на это. Тогда одна изъ цыганокъ, обвиняемая Иванюнова, попросивъ стаканъ воды и накрывъ его платкомъ, начала что-то нашептывать. Послѣ шептанья вода сдѣлалась красная, какъ кровь, а Иванюнова заставила Полищукowychъ смотрѣть въ стаканъ до тѣхъ поръ, пока они въ немъ что-нибудь увидятъ. По словамъ Полищукowychъ, они увидѣли сначала высунувшуюся изъ стакана дѣтскую руку, а потомъ двѣ черныя фигуры въ видѣ чортиковъ, причемъ пришли въ состояніе опьяненія. Послѣ этого Иванюнова подошла къ незапертой стойкѣ и взяла тамъ 30 рублей и два золотые кольца; затѣмъ вынула изъ ушей Матрены Полищуковой золотыя серги,

сняла съ вѣшалки шерстяной платокъ, кашмировое платье и кофту и, уложивъ все это въ кошелку, преспокойно вышла изъ лавки. Полищуковы все это видѣли, но находились въ состояніи какого-то оцѣпенѣнія, стояли неподвижно и были не въ силахъ сказать слово или тронуться съ мѣста. Спустя четверть часа, они опомнились, но цыганка давно скрылась. Только два мѣсяца спустя она была задержана полиціей въ Ланжероновскомъ переулкѣ. На судѣ Иванюнова отрицала свое тождество съ обокравшею Полищуковыхъ цыганкой; но тѣмъ не менѣе, на основаніи свидѣтельскихъ показаній, судья призналъ ее виновною и приговорилъ къ шестимѣсячному аресту въ тюрьмѣ.

Переходя отъ «темной» народной массы къ привилегированнымъ классамъ, прежде всего замѣтимъ, что въ первой половинѣ нашего столѣтія небогатое дворянство и чиновничество всецѣло раздѣляло народныя воззрѣнія въ самой архаичной формѣ ихъ, какъ это видно, напр., изъ такихъ случаевъ:

Н. М. Колмаковъ въ своихъ воспоминаніяхъ („Русск. Старина“ 1891 г. № 4, стр. 29) рассказываетъ, что дворянку Козлову всѣ считали за вѣдму потому, что она не сближалась съ сосѣдями и что за ея садомъ было когда-то кладбище, гдѣ появлялись фосфорическіе огоньки. Н. Я. Аванасевъ (Воспоминанія, „Истор. Вѣстн.“ 1890 г. № 7, стр. 31) говоритъ, что въ двадцатыхъ годахъ въ Перми была масса общепризнанныхъ «кудесниковъ». «Къ одной колдунѣ, живущей въ самомъ концѣ города, леталъ по ночамъ огненный змѣй. Почти весь городъ видѣлъ этого змѣя, его полетъ по небу, видѣлъ, какъ онъ спускался именно надъ ея хижиной; даже моя матушка видѣла его». Авторъ предполагаетъ, что это былъ метеоръ. Въ домѣ ихъ домовый по ночамъ поѣдалъ оставшееся кушанье и выпивалъ напитки, «мягко ступая по полу»; позднѣе оказалось, что суевѣріемъ хозяевъ пользовался прислуживавшій мальчикъ.

Во второй половинѣ нашего вѣка *формы* суевѣрія такъ наз. интеллигенціи измѣнились, но не такъ значительно, какъ можно было бы ожидать, и отъ времени до времени встрѣчаются очень любопытные отзвуки чисто народныхъ мѣстныхъ представленій. Газета «Одесскія Новости» 15 окт. 1887 г. перепечатываетъ изъ «Южнаго Края» рассказъ судебного слѣдователя: «Поѣздка въ тайгу.» Авторъ рассказываетъ, что у старовѣра, у котораго онъ остановился на постой, ворота на ночь не запирались.

Когда я замѣтилъ хозяину, что у него могутъ украсть лошадей или отрѣжутъ у нихъ хвосты (такъ какъ конскій волосъ былъ очень дорогъ), онъ хладнокровно возразилъ: «не далеко уйдутъ». Мои предсказанія сбылись. Ночью забрались два молодца, пообрѣзали хвосты у лошадей, но удивительно: несмотря на то, что были настѣжь ворота, не могли выйти со двора. Ходятъ себѣ съ мѣшками по двору и никакъ не найдутъ выхода. Ходили такъ до самаго утра. Когда разсвѣло, хозяинъ, указывая мнѣ изъ окна на воровъ, сказалъ: «я говорилъ, далеко не уйдутъ». — Чѣмъ это объяснить? Я добивался, спрашивалъ, но получалъ отвѣтъ: «у насъ, баринъ, не то еще увидишь». Нѣсколько подобныхъ примѣровъ я видѣлъ впоследствии. Воры евѣряли, что они ходили по двору, точно съ завязанными глазами.

Здѣсь же довѣрчивый авторъ передаетъ разсказъ ямщика о каторжникѣ, который убѣгалъ въ нарисованной имъ на стѣнѣ лодкѣ, котораго не трогали медвѣди и пр.

Вотъ любопытный примѣръ чрезвычайно древняго вѣрованія, путь котораго по Европѣ можно прослѣдить по литературнымъ памятникамъ. Кто не помнитъ пушкинскую балладу: «Федоръ и Елена» (изъ Пѣсенъ западныхъ славянъ, изд. Фонда, III, 488), гдѣ жидъ-колдунъ

Нарекаетъ жабу Иваномъ....?

Вмѣстѣ съ Стамати —

Они жабу всю потомъ *искололи*

И ее ея же кровью напоили и пр.

Никита Акоминатъ, или Хоніатъ, византійскій историкъ, ум. около 1220 г., разсказываетъ объ одномъ коринѳянинѣ *Ааронѣ Исаакѣ* (еврей?), жившемъ при Мануилѣ Комненѣ (1143—1180 г.), который былъ уличенъ въ занятіи магіей: у него оказалась Соломонова книга для вызыванія демоновъ и изображеніе черепахи съ фигурой человѣка; обѣ ноги этой фигуры были въ кандалахъ, а грудь насквозь пронзена гвоздемъ ¹⁾).

¹⁾ ed. Bonn. 190, 16 ἀλίσχεται μαγείας προσανέχων, καὶ πρὸς χειρὶν ἐκφορὸν μίμημα, ἐνδὸν στέγον τῆς χεῖρος ἀνθρωπόμορφον εἰκασμα (по вар. эта фигура была изъ воску — μετὰ χηροῦ ἀνθρωπόμορφον πλάσμα), πεπεδημένον αἰφω τῷ πόδε καὶ το στέρνον ἐλλαμένον ἥλω διαμπερές. О другой волшебной куклѣ, „насквозь пронзенной гвоздемъ“, см. у того же Никиты 849, 12. О любопытной двойственности въ воззрѣніяхъ Никиты Ако-

Въ началѣ 1893 г. (см. „Од. Вѣстникъ“ отъ 5-го февраля) хроникеръ «Новаго Времени» свидѣлствуетъ, что

Въ концѣ этого вѣка опять появились на сценѣ колдуньи и колдуны, какъ нѣсколько вѣковъ тому назадъ. Желая причинить кому-нибудь смерть, черные маги вызываютъ проклятыхъ духовъ или демоновъ и приказываютъ имъ нанести смертельную рану заранѣе намѣченной жертвѣ. Иногда они берутъ жабу, завертываютъ въ кусокъ матеріи, которую носила ихъ жертва, и затѣмъ силой гипнотическаго внушенія переносятъ на жабу чувствительность жертвы, испытывающей тогда всѣ тѣ муки, которые испытываетъ, по волѣ мучителей, жаба.

Хроникеръ находитъ, что перенесеніе чувствительности человѣка на жабу, *по всемъ вѣроятіямъ*, вздоръ. Онъ не сообщаетъ, для какого класса общества современные колдуны практикуютъ такой пріемъ, но самая сложность его указываетъ, повидимому, на такъ наз. интеллегенцію столицы.

Вотъ нѣсколько примѣровъ вѣры въ колдовство завѣдомо изъ этого слоя современнаго общества. „Од. Вѣстн.“ въ началѣ 1886 г. отъ 2-го марта) сообщаетъ:

27-го февраля въ спб. окружномъ судѣ, по 2 отдѣленію, будетъ слушаться интересное и рѣдкое въ нашей судебной практикѣ дѣло о колдовствѣ, приобретающее тѣмъ большій интересъ, что оно стоитъ въ непосредственной связи съ недавно окончившимся процессомъ поджигателей. Одна изъ героинь этого процесса, какъ сообщаютъ «Нов.», Леокадія Іодкелло, въ февралѣ прошлаго года, узнавъ отъ своей подруги, что отставной аптекарскій помощникъ Викентій Кожура умѣетъ гадать, даетъ талисманы и обладаетъ силой дѣлать людей счастливыми, обратилась къ нему за помощью въ виду ареста ея мужа. Кожура далъ г-жѣ Іодкелло травы для посыпки около дома предварительнаго заключенія съ цѣлью волшебнаго освобожденія ея мужа; сверхъ того онъ далъ ей талисманы и капли противъ ея женской болѣзни. За всѣ эти услуги онъ натурой и деньгами получилъ около 60 р. Такъ какъ средства Кожуры оказались недостигающими цѣли, Іодкелло заявила о дѣйствіяхъ Кожуры прокурорскому надзору, и Кожура преданъ суду по 935 ст. Уложенія о наказаніяхъ.

мината, который съ одной стороны является скептикомъ, осмѣивающимъ чужое суевѣріе, а съ другой совершенно серьезно сообщаетъ сверхъестественныя событія, см. въ изслѣдованіи О. И. Успенскаго: „Визант. писатель Никита Акоминатъ изъ Хонъ“. Спб., 1874 г., стр. 103—111.

Въ данномъ случаѣ любопытно, что жертвой обмана оказалась особа, причастная сообществу преступниковъ, которые обыкновенно считаются людьми смѣлыми и потому наименѣе склонными къ суевѣрію. Но это мнѣніе едва ли справедливо: Достоевскій говоритъ о своихъ сожителяхъ по «Мертвому Дому», что они «легковѣрны, какъ дѣти», и другіе, столь же достовѣрные наблюдатели свидѣтельствуютъ о томъ же. Да иначе и быть не можетъ: всякій, кто наблюдалъ за собой, знаетъ, что онъ склоненъ вѣрить примѣтамъ, снамъ и проч. въ опасные, рискованные моменты жизни, а у преступниковъ такихъ моментовъ больше, нежели у мирныхъ гражданъ.

«Новороссійскій Телеграфъ» въ № отъ 4 февр. 1888 г. пересказываетъ, вѣроятно, по *Neue Freie Presse*, слѣдующую исторію:

Въ Вѣнѣ недавно обратила на себя общее вниманіе слѣдующая любопытная исторія одной молодой супружеской четы, завершившаяся весьма трагическимъ концомъ. Вышедшая слишкомъ годъ тому назадъ замужъ за молодого торговца ювелирными издѣліями, провинціальная дѣвушка, оторванная отъ обычной среды и оставшаяся по цѣлымъ днямъ одинокой, вслѣдствіе постоянныхъ разъѣздовъ мужа по торговымъ дѣламъ, — вообразила, что мужъ умышленно оставляетъ ее въ одиночествѣ, выдумывая мнимые дѣловые предлоги для своего долгаго отсутствія. Какъ водится, въ душу бѣдной женщины закралась ревность... Но вотъ является на свѣтъ ребенокъ, и семейное счастье супруговъ начинается уже устанавливаться на прочныхъ основаніяхъ, какъ вдругъ заболѣваетъ мужъ. Болѣзнь мужа совсѣмъ не принадлежала къ опаснымъ или тяжкимъ, но, тѣмъ не менѣе, жена съ перваго-же момента болѣзни мужа начинаетъ испытывать сильнѣйшую тревогу и, наконецъ, часто впадаетъ въ галлюцинаціи. Больной мужъ убѣдился, что жена его скорѣе нуждается въ услугахъ медицины, чѣмъ онъ самъ, и вотъ, благодаря усиліямъ ловкаго врача, удалось получить отъ разстроенной женщины объясненіе ея тревожно-напряженного состоянія. Молодая женщина съ ужасомъ призналась, что до появленія на свѣтъ ея ребенка у нея бывали минуты горькаго недовольства своимъ мужемъ, и въ одинъ изъ подобныхъ моментовъ она возмѣла страшную мысль — отомстить измѣннику. Для удовлетворенія своей жажды мести, она отправилась къ одной, пользующейся въ Вѣнѣ большою извѣстностью, гадалщицѣ, которая присовѣтовала ей «пригвоздить плаги» своего мужа. Для этой цѣли гадалщица передала ей заржавленный гвоздь, вырванный изъ гроба покойника; этотъ гвоздь озлобленная жена должна была вколотить въ полъ возлѣ кровати мужа такъ, чтобы онъ, вставъ

утромъ, сдѣлалъ свой первый шагъ надъ головкой рокового гвоздя, что и повлечетъ за собой неминуемую смерть. Въ пылу гнѣва жена дѣйствительно исполнила въ точности наставленіе гадалыщицы, а мужъ не преминулъ въ добрый часъ наступить на головку гвоздя. Послѣ рожденія ребенка молодая женщина, успѣвшая окончательно помириться съ мужемъ, совершенно забыла о своемъ собственномъ необдуманномъ «шагѣ», какъ вдругъ болѣзнь мужа напомнила ей о его «шагѣ», преступно «пригвожденномъ» ея-же руками и предпрѣшившемъ участь несчастнаго. Слѣдуетъ-ли прибавить, что спустя нѣсколько дней послѣ этого признанія супругъ выздоровѣлъ, а супруга... была отвезена въ домъ сумасшедшихъ, гдѣ и признана неизлѣчимой!

Гвоздь изъ гроба покойника — одинъ изъ древнѣйшихъ волшебныхъ пріемовъ, популярныхъ преимущественно среди нѣмецкихъ племенъ; онъ въ связи съ скандинавскимъ Naglfar, кораблемъ изъ ногтей мертвецовъ (der Nagel—и нготь и гвоздь); по современному исландскому вѣрованію дьяволъ изъ обрѣзковъ ногтей дѣлаетъ бортъ для корабля мертвецовъ или *гвозди* для своего судна *).

28 сентября 1891 г. Рошфоръ напечаталъ въ *Intransigeant* слѣдующую корреспонденцію изъ Тура (ради характерности языка я позволяю себѣ привести ее въ оригиналѣ):

La gendarmerie vient d'arrêter un individu nommé Le Royé demeurant à Tours, qui exerçait la médecine en se faisant passer pour sorcier. Cet homme avait été consulté par un sieur Chartrain, habitant de Lunay, au sujet de sa domestique malade. Le prétendu devin se rendit à Lunay, examina la fille Tessier, se fit remettre 40 francs pour un devin de La Rochelle, qui «lui est supérieur en puissance», puis affirma que, dans quinze jours, il n'y paraîtrait plus. Il se fit envoyer à Tours 50 francs pour lui et réclama 70 francs pour médecines, ciernes, etc.; apprenant que la domestique allait mal, Le Royé adressa un certain nombre de lettres entourées de signes cabalistiques au garçon de ferme, Alexandre, et lui recommanda d'agir sur son maître et de l'engager à décrocher quelques billets de cent francs, oh! alors, il pourrait tout pour la fille Tessier. Puis, jugeant l'affaire à point, il revint à Lunay. Il s'agit alors de découvrir qui a jeté un sort à Marthe Tessier. Après certains exorcismes, Le Royé demande à Chartrain un coq et une poule, qu'il doit emporter du côté de Niort. Il les privera de nourriture, et lorsque les pauvres bêtes seront sur le point de trépasser, il crévera un oeil au coq. Au même moment le sorcier malfaisant qui habite la contrée aura un

*) См. А. Н. Веселовскій: Разысканія въ области русскаго духовнаго стиха XVIII, 63 (Сборникъ отд. русск. яз. и слов. т. 53. Спб. 1892).

oeil crevé du même côté et on pourra facilement le découvrir. Chartrain remet les animaux et de l'argent à Le Royé, qui se rend à Montoire à l'hôtel du Soleil-d'Or, pour y faire bombance aux dépens de Chartrain. Cependant Marthe Tessier va plus mal, le médecin appelé dessille les yeux de Chartrain et la domestique est transportée à l'hôpital de Vendôme. Chartrain va réclamer son argent à Le Royé qui ne peut le lui rendre, dit-il, puis qu'il l'a envoyé au devin puissant de La Rochelle. En poltron échauffé, Chartrain, nanti des lettres de Le Royé court à la gendarmerie et porta plainte. Aujourd'hui Le Royé, gémit sur la paille des cachots et aura à répondre du délit d'escroquerie et d'exercice illégal de la médecine. Et cependant il n'a rien administré que du quinquina et des pilules laxatives, achetées chez un pharmacien de Tours.

Здѣсь любопытна во первыхъ ссылка на болѣе могущественнаго волшебника, котораго надо умиловать дарами, и во вторыхъ выкалываніе глаза истомленному голодомъ пѣтуху, вѣлѣдствіе чего долженъ окривѣть злой колдунъ, виновникъ болѣзни; это то-же раздвоеніе личности, которое мы видѣли въ византійскомъ волшебствѣ о черепахѣ и куклѣ, слетенное съ вѣрой въ превращеніе; оборотни, какъ извѣстно, принявъ человѣчскій видъ, оказываются съ тѣми поврежденіями, которыя причинены имъ въ видѣ животныхъ ¹⁾.

Русскихъ газетныхъ извѣстій о гадалкахъ, узнающихъ будущее посредствомъ кофейной гущи или картъ, и о непатентованныхъ лѣкаряхъ, излѣчивающихъ всѣ болѣзни нашенстваніемъ или «симпатическими» средствами, встрѣчается такъ много, что выписывать ихъ было бы скучно; я ограничусь только указаніемъ ихъ видовъ. Большею частію гг. репортеры довольствуются краткимъ извѣстіемъ, съ указаніемъ мѣста жительства гадалки или колдуна, и суровыми упреками по адресу легковѣрныхъ барынь и купчихъ, обогащающихъ обманщиковъ; иногда они указываютъ на тѣ приемы, которыми чародѣи стараются внушить ужасъ и довѣріе приходящимъ ²⁾, иногда сообщаютъ совѣты, которые гадалка даетъ вѣрующимъ (къ сожалѣнію, безсмысленность ихъ свидѣлствуетъ скорѣе о невнимательности репортера, нежели о глупости гадалки). Иногда репортеръ беретъ на себя трудъ изслѣдовать самое лѣкарство, назначаемое цѣлителемъ ³⁾, иногда пытается подыскать

¹⁾ Припомнимъ рассказъ Петроція о солдатъ-волкѣ; см. А. е. а. с. е. в. а. Поэт. возвр. III, 533 и passim.

²⁾ Фантастическая хламида, чтеніе заклинаній на „тараборскомъ языкѣ“, странный свѣтъ, волшебный фонарь и пр.

³⁾ Такъ въ 1883 г. корреспондентъ „Нов. Вр.“ доказалъ, какъ дважды два

реальное основаніе для чудотворныхъ дѣйствій ¹⁾, но очень рѣдко газетныя сообщенія такого рода пишутся людьми, относящимися къ дѣлу съ научной объективностью и съ интересомъ къ происхожденію и народной или литературной основѣ повѣрья ²⁾.

Всѣ вышеприведенныя вѣрованія не только такъ или иначе связаны съ стариной языческой, но и таковы по своей сущности, что на нихъ почти не отразилось христіанство; переходу къ слою позднѣйшему, средневѣковому. Здѣсь главной фигурой, разумѣется, является чортъ, вѣра въ непосредственное участіе котораго въ дѣлахъ человѣческихъ положительно неистребима, тѣмъ болѣе, что въ католическихъ земляхъ она энергично поддерживается духовенствомъ.

Въ началѣ лѣта 1892 г. южногерманскія газеты, болѣе или менѣе либеральнаго направленія, изощрили свое остроуміе надъ случаемъ, который нижеподписавшемуся сталъ извѣстенъ изъ München. Neueste Nachrichten отъ 11 мая, гдѣ онъ былъ описанъ подъ заглавіемъ: „Кусочекъ среднихъ вѣковъ“ (Ein Stück Mittelalter).

четыре, что „знахарь Кузьмичъ“, который принимаетъ до 150 посѣтителей въ день и обогащаетъ всю округу, даетъ всѣмъ отваръ простого сѣна.

1) Корреспондентъ газеты „Свѣтъ“ (см. „Петербург. Газ.“ 1885 г. 15 марта) сообщаетъ, что въ Городкѣ (Витебской губ.) лѣзть отъ бѣшенства напештываніемъ на хлѣбъ (по его словамъ, „два самые знаменитые шептунга принадлежатъ къ помѣщичьей средѣ, и одинъ изъ нихъ окончилъ даже курсъ гимназіи“), и объясняетъ успѣхъ лѣченія тѣмъ, что вѣдь и безъ того далеко не всякое укушенное животное бѣсится.

2) Какъ рѣдкій примѣръ *нѣкотораго* интереса къ основѣ повѣрья, привожу выписку изъ кievской газ. „Заря“ отъ 1884 г. (Харьк. Вѣд. 16 дек.).

„Выѣздъ изъ города студентовъ, послѣ которыхъ осталось много квартиръ нѣкимъ теперь не занятымъ, возродилъ нѣкоторые суевѣрные обычаи, коренившіеся когда-то среди массы кievскаго населенія. Квартира зимой безъ квартиранта составляетъ, какъ извѣстно, разореніе для хозяевъ, и вотъ нѣкоторые изъ хозяекъ стали прибѣгать къ слѣдующему приему. Во время топки печей (а топить—хоть по временамъ необходимо и пустыя квартиры) онѣ сами или служанки зовутъ квартирантовъ чрезъ печную трубу. По народному повѣрью, какъ дымъ, выходящій изъ печи чрезъ трубу, разносится вѣтромъ всюду, такъ и призывной голосъ понесется далеко и непременно заставитъ явиться тѣхъ, кого зовутъ. При этомъ припекаютъ надъ огнемъ столовыя ложки и вѣрятъ, что въ это самое время тотъ, кого зовутъ, испытываетъ страшную тоску, такъ что если это квартирантъ, то онъ не замедлитъ явиться на старую квартиру и тогда только почувствуетъ облегченіе“.

Если бы г. репортеръ указалъ, кромѣ того, на связь дымовой трубы съ божествомъ домашнего очага (Ае., Поэт. воззр. II, 33 и слѣд.) и на подмѣченное повсюду вѣрованіе, что жаръ огня переходитъ съ предмета на его владельца, онъ сталъ бы вполне на научную почву.

Дѣло происходило въ Баваріи; въ семействѣ мельника Цилькъ былъ 10-лѣтній мальчикъ Михаилъ, который вдругъ почувствовалъ необыкновенное отвращеніе къ молитвѣ и всѣмъ католическимъ святынямъ. Когда ему случалось проходить мимо распятія или статуи Мадонны, онъ еще за 30 шаговъ начиналъ волноваться и потомъ падалъ безъ чувствъ. Такъ какъ медицинская помощь оказалась безсильной, то родители обратились въ ближайшій капуцинскій монастырь къ нѣкому отцу Авреліану. Онъ горячо взялся за дѣло. Надъ мальчикомъ читалось *benedictio a daemone vexatorum* и потомъ, съ соизволенія провинціала Капельмайра, заклинаніе *in Satanam et angelos apostatos*,—не помогало; безплодными оказались и путешествія къ окрестнымъ святынямъ. Тогда, съ разрѣшенія аугсбургскаго епископа, отъ Авреліана устроилъ торжественное заклинаніе (der feierlichen Exorcismus). По словамъ заклинателя, мальчикъ, введенный въ пресбитерій, такъ началъ кричать и бѣсноваться, что его должны были связать ремнями. Когда ему на шею возложили фіолетовую стѣлку „злой врагъ“ началъ стонать и наконецъ признался, что въ ребенкѣ сидитъ *десять чертей*, но выйти въ этотъ день отказался. На другой день заклинаніе продолжалось, и дьяволъ объявилъ, что онъ вошелъ въ мальчика по желанію одной женщины Герцъ (Frau Herz), сосѣдки Цильковъ, которая послала его въ несчастнаго посредствомъ сухихъ грушъ (Hutzel). Послѣ сильныхъ заклинаній именемъ Бога, Богородицы и арх. Михаила, дьяволъ и его товарищи покинули одержимаго и исчезли. Самъ же заклинатель объясняетъ и причину несчастія: отецъ мальчика былъ католикъ, а мать—протестантка; послѣ событія и она перешла въ католичество.

Перенесемся за нѣсколько десятковъ лѣтъ назадъ и въ глубь Россіи, но за то въ сферу, долженствовавшую быть культурною *par excellence*.

Академикъ Никитенко (см. Записки и Дневникъ I стр. 507—8) изъ „подлиннаго дѣла“ вычиталъ, что Карпѣвъ, бывшій Харьковскій попечитель округа, высказываясь по вопросу объ упраздненіи кафедры философіи въ университетахъ, осуждаетъ философію за то, что она отрицаетъ вѣру въ черта и волшебниковъ, а между тѣмъ извѣстно, что „чортъ и колдуны много бѣдъ производятъ на свѣтѣ“.

20 іюля 1894 г. въ газ. „Одесскія Новости“ мы читали такую выписку изъ „Всемирной Иллюстраціи“:

22 апрѣля этого года, въ семьѣ крестьян. с. Соловьевки Кіев. губ. Іова Антоненко былъ страшный переполохъ по случаю появленія на свѣтъ цыпленка-урода: вмѣсто двухъ ногъ у него оказалось цѣлыхъ четыре, да въ придачу еще торчали хвостикъ наподобіе мышинаго. Перепуганный Іовъ отправился къ знахаркѣ Г. съ просьбою избавить его семью отъ нечистой силы. Знахарка снабдила его пучкомъ соломы «изъ трехъ стрѣхъ» тѣхъ дворовъ, въ которыхъ живутъ семейные не въ ладахъ между собою, и посоветовала зажечь солому огнемъ отъ страстной свѣчи въ сѣняхъ, возлѣ порога двери, ведущей въ хату, гдѣ находится «новорожденный чортъ». Если-же это средство не поможетъ, то знахарка посоветовала притти къ ней на слѣдующій день до восхода солнца. Крестьянинъ все это продѣлалъ, но безуспѣшно. Тѣмъ временемъ родственникъ Іова, кр. Генминка, взялъ цыпленка и ударилъ его объ земь—и «чортъ» испустилъ духъ. Затѣмъ его трупъ Генминка, при посредствѣ нитки изъ краснаго пояса, бывшаго знакомъ цѣломудрія новобрачной, выволокъ на «солонци», т. е. на поле, гдѣ сходятся межи трехъ селъ: Соловьевки, Турбовки и Дивина, и гдѣ обыкновенно хоронятъ висѣльниковъ и другихъ самоубійцъ, и тамъ бросилъ ¹⁾.

Было бы бесполезно приводить другія вырѣзки о проявленіи участія бѣсовъ въ разныхъ непріятностяхъ и бѣдствіяхъ нашей „темной“ деревни, о явленіи чертей пьяницамъ и нервноразстроеннымъ людямъ, о похищеніи чертями дѣтей и пр.: онѣ слишкомъ многочисленны и довольно однообразны. Зато я позволю себѣ воспользоваться случаемъ и привести нѣсколько малоизвѣстныхъ фактовъ въ качествѣ матеріала для художественной и литературной исторіи чорта (какъ дополненіе къ устарѣвшей уже книгѣ Густава Roskoff'a: *Geschichte des Teufels*. Lpz. 1869).

Въ древнихъ апокрифическихъ Актахъ Маттея ²⁾ апостолъ называетъ язычниковъ антропофаговъ почитающими донинѣ Сатира (*οἱ τὸν Σάτορον μέγχι νόμ σεβόμενοι*), и здѣсь же демонъ,

¹⁾ Уродство всегда считалось указаніемъ на близость къ демонамъ. Маколей (русск. пер. IX, 252—3) разсказываетъ, что въ 1689 г. англійскій народъ былъ увѣренъ въ дружбѣ дьявола съ сѣромъ Джемсомъ Стеромъъ потому, что у него была кривая шея и что онъ былъ уменъ и несчастливъ.

²⁾ *Acta et Martyrium Matthaei*. См. Tischendorf, *Acta App. apocr.* Lipsiae 1851. стр. 171.

побуждаемый ангеломъ говорить тирану правду, называетъ себя *Асмодеемъ* (*Аσμοδαῖος* стр. 175—6); такъ наглядно здѣсь сливаются два важнѣйшіе элемента христіанскаго чорта—еврейскій и классическій.

Вотъ какъ описывается наружность демона въ апокр. мученіи ап. Варооломея ¹⁾, помѣщенномъ уже у Псевдо-Абдіи: «Тогда показалъ (ангелъ) имъ (новообращеннымъ) демона, живущаго въ святилищѣ, подобіемъ эоіопа, чернаго, какъ сажа; у него было острое рыло, какъ у собаки, съ рѣдкой бородкой, съ волосами до ногъ, глаза у него были огненные, изъ устъ его излетали искры, а изъ ноздрей исходилъ дымъ, будто сѣрный, крылья у него были колючія, какъ щетина, и былъ онъ связанъ накрѣпко по рукамъ огненными цѣпями».

Въ апокр. Дѣяніяхъ ап. Тома, бывшихъ въ употребленіи у гностиковъ и запрещенныхъ еще въ такъ наз. декретѣ Геласія, драконъ—демонъ на запросъ апостола такъ опредѣляетъ свое происхождение и дѣянія: ²⁾ «Я порожденіе ползучаго естества, вредоносный (порожденіе) вредоноснаго, сынъ того, который повредилъ и поразилъ 4-хъ братьевъ стоявшихъ, сынъ того, сѣдящаго на тронѣ погибели, отбирающаго свое у берушихъ взаймы, сынъ того отступника, который опоясываетъ шаръ земной, кровный тому, находящемуся внѣ океана, хвостъ котораго лежитъ въ собственной его пасти» (*ἐγὼ τῆς ἐρπυστικῆς φύσεως γέννημα καὶ βλαπτικὸς βλαπτικοῦ, υἱὸς εἰμι ἐκείνου τοῦ βλάφαντος καὶ πλῆξαντος τοὺς τέσσαρας ἰδελφοὺς τοὺς ἐστῶτας, υἱὸς εἰμι ἐκείνου τοῦ ἐπὶ θρόνου ἀπωλείας καθεζομένου, τοῦ τὰ ἴδια λαμβάνοντος ἀπὸ τῶν δανειζομένων, υἱὸς εἰμι ἐκείνου τοῦ τὴν σφαῖραν ζωννύοντος ἀποστάτου, συγγενῆς δὲ εἰμι ἐκείνου τοῦ ἐξωθεν τοῦ ὠκεανοῦ ὄντος, οὗ ἡ οὐρὰ ἐγκείται τῷ ἰδίῳ στόματι* ³⁾). Онъ проникъ черезъ загородку (*διὰ τοῦ φραγμοῦ*) въ рай и сказалъ Евѣ то, что велѣлъ ему отецъ его; онъ побудилъ Кайна убить брата; отъ

¹⁾ Tisch. ib., стр. 256. Τότε ὑπέδειξεν αὐτοῖς τὸν δαίμονα τὸν ἐν τῷ ἱερῷ κατοικοῦντα ὡς Αἰθίοπα μαῦρον ὡς ἡ ἀσβόλη, πρόσωπον δὲ καθάπερ κυνός, σπανογένειος, τρίχας ἔχων ἄχρι ποδῶν, ὀφθαλμοὶ πυροειδεῖς, σπινθῆρας ἐξερχομένας ἐκ τοῦ στόματος αὐτοῦ, καὶ ἐκ τῶν ρινῶν αὐτοῦ ἐξήρχετο καπνὸς ὡσεὶ θεάσφιν, ἔχων πτερὰ ἀκανθώδη καθάπερ ὄστριζ, καὶ τὴν προσδεδεμένους ἀλύσει πυρίναϊς, ἰσχυρῶς κατεχόμενος.

²⁾ Tisch. ib 217; ср. тоже Max Bonnet: Acta Thomae. Lipsiae. 1883, стр. 24.

³⁾ Любопытная параллель (если не источникъ) для мірового змѣя Эдды.

него терніе и волчцы на землѣ ¹⁾; онъ побудилъ ангеловъ на вождельніе женъ человѣческихъ ²⁾; онъ ожесточилъ сердце фараона противъ сыновъ Израилевыхъ; онъ побудилъ израильтянъ поклоняться тельцу въ пустынь; онъ руководилъ дѣйствіями Ирода, Каиафы и Іуды; онъ живетъ въ безднѣ тартара, и у него Сынъ Божій отнялъ своихъ (τοὺς ἰδίους); онъ кровный тому, который имѣетъ прійти съ востока и которому дается власть дѣлать на землѣ все, что онъ хочетъ (συγγενής εἰμι ἐκείνου τοῦ μέλλοντος ἀπὸ τῆς ἀνατολῆς ἔρχεσθαι, ὃ καὶ ἐξουσία δίδεται ποιῆσαι ὅπερ αὐτὸς βούλεται ἐπὶ τῆς γῆς).

Въ тѣхъ же дѣяніяхъ Θомы ³⁾ мы находимъ очень интересный, но слишкомъ длинный, чтобы приводить его здѣсь, эпизодъ о влюбленномъ демонѣ—инкубѣ; этотъ рассказъ и самымъ тономъ своимъ и многими подробностями напоминаетъ послѣдніе вѣка греко-римскаго міра, время Аполлонія Тианскаго и пр., когда демономанія и суевѣріе воцарились на развалинахъ старыхъ вѣрованій.

По греческимъ лицевымъ ркп. парижской Національной библіотеки можно сдѣлать рядъ не безынтересныхъ наблюденій по художественной исторіи чорта. Въ знаменитой ркп. № 510 ⁴⁾ дьяволъ изображается съ человѣческимъ, даже красивымъ молодымъ лицомъ, но съ темнымъ (лилово-дымчатымъ, Кондаковъ 177) тѣломъ ⁵⁾. Но обобщать этотъ фактъ и утверждать, что искусство того вре-

¹⁾ δι' ἐμοῦ ἄχανθαι καὶ τρίβολοι ἐφύησαν ἐν τῇ γῇ (Tisch. 218). Это, несомнѣнно, одно изъ древнѣйшихъ указаній на дуалистическое представленіе объ участіи дьявола въ міротвореніи, для исторіи котораго собралъ столько цѣннаго матеріала академикъ А. Н. Веселовскій (Разысканія въ области русскаго дух. стиха, вып. V, гл. XI и вып. VI, гл. XX). Припомнимъ, что у Евонімія Зигабена (XI—XII в.) дьяволъ называется *отступникомъ* и является создателемъ змій. О змѣй, пасть котораго сходится съ хвостомъ, см. у А. Н. Веселовскаго, вып. V, стр. 91—2.

²⁾ См. Веселовскій, *ibid.* 91, изъ сирійскаго житія Кирика и Улиты.

³⁾ Tschendorf, стр. 222 и слѣд. Bouquet стр. 31 и слѣд.; переводъ этого эпизода (не совсѣмъ точный) въ Dictionnaire des Apocryphes, Migne II, 1078 и слѣд.

⁴⁾ IX вѣка; о ней см. у проф. Кондакова: Исторія визант. искусства и пр. Одесса. 1876, стр. 168 и слѣд. у Bordier: Descriptions des peintures и пр. Paris, 1883, стр. 62 и слѣд.

⁵⁾ Такимъ же темпотѣлымъ, но не безобразнымъ существомъ изображается въ ранній періодъ визант. искусства и смерть (Ват. Косма); это про-

мени всегда такъ милостиво относилось къ демону, было бы, конечно, несправедливо: въ томъ же IX вѣкѣ при исцѣленіи бѣсоватыхъ одержавшіе ихъ бѣсы изображаются въ видѣ довольно безобразныхъ чортиковъ¹⁾; а съ другой стороны въ рукоп. XII в. ²⁾, при Еванг. отъ Луки VIII, 26 и слѣд. (о свиномъ стадѣ) бѣсы изображены въ видѣ черныхъ и чернокрылыхъ амуровъ, выдѣлывающихъ разныя эквилибристическія штуки. Очень поучительная для уясненія византійской леканомантии ³⁾ миниатюра въ ркп. Григорія Назіанзена № 543 (XII в., л. 88), изображающая Кипріяна, тогда еще язычника, посылающаго демоновъ на Юстину: налѣво отъ зрителя Кипріянь сидитъ съ волшебной книгой; въ центрѣ таза въ родѣ купели, гдѣ стоитъ демонъ, протянувшій къ заклинателю руки съ мольбою; далѣе этотъ бѣсъ летитъ къ Юстинѣ, сидящей въ своемъ домѣ; немного ниже онъ возвращается обратно. Демонъ всѣ три раза изображенъ чернымъ, маленькимъ, съ крыльями, какъ у нетопыря, но не комичнымъ и не безобразнымъ.

Любопытно одно прямое указаніе относительно вліянія иконографіи бѣса на народное о немъ представленіе: одинъ галлюцинировать, подававшій прошеніе въ тайную канцелярію въ 1755 г., пишетъ, что онъ видѣлъ множество бѣсовъ «и притомъ съ ними древній треклятый змѣй Сатана персонально, наподобіе какъ въ церкви Воскресенія Христова, что въ Кадетскомъ корпусѣ, подѣ архангеломъ Михайломъ»⁴⁾ (авторъ прошенія былъ копіистъ и, очевидно, во всемъ любилъ канцелярскую точность).

Возвращаемся къ современности. Почти одинаково съ чортомъ народную фантазію возбуждаетъ вопросъ о кончинѣ міра и объ антихристѣ.

Представленіе о первомъ связано съ дѣйствительными или предполагаемыми небесными знаменіями. Лѣтомъ 1886 г. въ Мадридѣ, по сообщенію „Од. Вѣсти.“ (№ 160), ожидали свѣтопредавленія, такъ какъ въ ночь на 17-ое іюня „луна свѣтила какъ то странно, и народъ (уже заранѣе взволнованный слухомъ, что

должается и до XI—XII в.: въ рп. № 1208 (Bordier, стр. 158) смерть—въ видѣ темной, голой фигуры, перевязанной по чресламъ бѣлымъ.

1) Рп. № 923, Bordier 90—91.

2) Suppl. 27, см. Bordier стр. 216 и слѣд.

3) λεχαινομαντεία—гаданіе по тазу, отъ λεχάνη, откуда русск. *ложанъ*.

4) Мордовцевъ: Истор. Пропілея II, 217.

солнце взойдетъ раньше обыкновеннаго) ясно видѣть сквозь облака какія то движущіяся и зловѣщія фигуры“. На другой день „увидѣли среди краснаго облака цѣлое сонмище человѣческихъ образовъ“ и заключили, что конецъ міра настанетъ черезъ недѣлю, 24 іюня.

Въ сент. 1890 г. въ Петербургѣ, съ газоваго завода былъ пущенъ большой шаръ „Орель“ съ пассажирами; пролетѣвъ 210 верстѣ, онъ сталъ спускаться въ южной части Олонецкой губ. Жители одной деревни подумали, „что съ неба спустился антихристъ, что пришелъ конецъ міру“. Видѣвшія шаръ вблизи собирательницы грибовъ рассказывали: „Домъ спустился съ неба, и въ немъ видимо-невидимо *литвы*“ (на самомъ дѣлѣ въ лодкѣ сидѣли двое). Въ другой деревнѣ (Подборье) аэронавтовъ приняли за „святыхъ угодниковъ“, засвѣтили для нихъ лампы и пр. („Од. Вѣстн.“ 1890 г. 23 сент., по сообщеніямъ столичныхъ газетъ).

Въ селѣ Языковѣ, Саратов. губ., въ апр. 1885 г. за антихриста приняли мѣстнаго статистика, явившагося для собиранія справокъ; главнымъ основаніемъ для этого послужило, конечно, то, что онъ *записывалъ* собираемыя свѣдѣнія; второстепенными: черныя перчатки на рукахъ и привычка закрывать рукою лобъ, на которомъ предполагалась „печать“ („Пет. Газ.“ 1885 г. 27 апр., по сообщенію „Саратовск. Дневника“).

Изъ болѣе отрадныхъ представленій отмѣтимъ весьма частыя явленія Богоматери и ея чудотворныхъ иконъ. Въ 1884 г. она являлась въ Венгріи въ мѣстечкѣ Шиллѣ въ одной хижинѣ 10-лѣтней дѣвочки, совершенно здоровой; когда власти переселили отсюда эту дѣвочку и ея родителей, то же явленіе сталъ видѣть поселившійся въ этой хижинѣ сапожникъ. Хижина по распоряженію начальства, была заперта, и народъ сталъ стекаться къ ней большими толпами. („Харьк. Вѣд.“ 9 іюля 1894 г., изъ Neue Freie Presse). Аѳинская еженедѣльная газета «Эстіа» (Εστία), очень интересующаяся археологическими раскопками, отъ 13 мая 1890 г. сообщаетъ, что въ вессалійской деревнѣ Каратѣолі одной женщинѣ явилась во снѣ Богородица (ἡ Παῦλῖα) и велѣла рыть въ опредѣленномъ мѣстѣ, увѣряя, что тамъ найдется св. икона. Газета подробно перечисляетъ интересные предметы, тамъ вырытые, но иконы между ними не оказалось.

„Бессарабскій Вѣстн.“ отъ 2-го авг. 1890 г. сообщаетъ, что въ

Кишиневѣ до пристава 3-го участка дошли слухи о чудотворномъ явленіи съ иконой Божьей Матери, принадлежавшей семейству Чемериковыхъ. Приставъ вызвалъ ихъ, и Надежда Чемерикова рассказала ему, что икона, очень старая, переходя изъ рода въ родъ, до того „истерлась и обветшала, что рисунка совершенно не было видно. 20 іюля Чемерикова, возвратясь изъ города, была поражена видомъ иконы, такъ какъ она въ отсутствіе Чемериковой сама по себѣ обновилась“.

Характерная для нашего времени неустойчивость представленія проявилась въ 1889 г. въ одной деревнѣ въ Венгріи, недалеко отъ Коморна; тамъ у мѣстнаго крестьянина на днѣ колодца „наблюдаются прелестные калейдоскопическіе эффекты“. Хозяинъ, посовѣтовавшись съ сосѣдомъ, рѣшилъ, что это „громадный змій, или самъ дьяволъ въ образѣ змія“, и потому заколотилъ колодезь. Но бабы настояли, чтобы доски были сняты, и „путемъ тщательнаго наблюденія“ усмотрѣли тамъ *явленный образъ св. Дѣвы съ младенцемъ*. Вмѣшалось начальство и снова заколотило колодезь, что, конечно, страшно увеличило число вѣрующихъ и вызвало такую бурю, что начальству пришлось уступить. Къ колодцу ежедневно стекаются многія сотни людей. („Од. Вѣстн.“ 1889 г. 25 іюля, изъ Neue Freie Presse)

Вѣроятно Богоматерь и Елисавета (или одна изъ извѣстныхъ святыхъ) разумѣются и въ слѣдующемъ случаѣ, гдѣ опять таки неумѣстная энергія начальства достигаетъ противоположныхъ результатовъ. Въ 1882 г. въ № 260 „Совр. Извѣстія“ сообщали:

Солдатская жена, проживающая на мызѣ Полежино, Берестовицкой волости, Гродненскаго уѣзда, Іоанна Желудкова, женщина 45 лѣтъ отъ роду, страдающая падучей болѣзнью, какъ сообщаетъ *«Виленскій Вѣстникъ»*, распространила между простонародьемъ слухъ, что въ началѣ іюня, когда она шла изъ названной мызы въ деревню Берестовичины къ знахарю за совѣтомъ противъ своей болѣзни, подходя къ лѣсу, извѣстному подъ мѣстнымъ названіемъ Верболово, въ 2½ верстахъ отъ села Великоберестовицъ, она увидѣла предъ собой двухъ женщинъ, окруженныхъ сіяніемъ и приказывавшихъ ей три раза въ сутки приходить на мѣсто видѣнія, молиться Богу, не пить водки, не ссориться, вести жизнь честную и проч. Въ знакъ же того, что случай чудеснаго видѣнія дѣйствительно произошелъ съ Желудковой, она рассказывала, что ей предсказано было, что она въ теченіе недѣли будетъ нѣмою

и что видѣніе откроется всѣмъ на третій день праздника св. Петра и Павла и будетъ сопровождаться чудесами. Молва объ этомъ съ быстротою молніи распространилась по деревнямъ, и простонародье изъ Гродненскаго, Волковыскаго, Бѣлостокскаго уѣздовъ потянулось на святое мѣсто числомъ до 5,000 человѣкъ. На мѣстѣ видѣнія клались, по обыкновенію, деньги, холсты, которыми нерѣдко пользовались проѣзжіе. Противъ такого увлеченія массы слухомъ о чудесномъ будто бы явленіи двухъ сіявшихъ женщинъ полиція приняла энергическія мѣры. Приѣхавшій на мѣсто исправникъ приказалъ арестовать Желудкову, и затѣмъ она была отправлена въ Гродно. 2 іюля, послѣ обѣдни въ Великоберестовицкой церкви, священникъ Будзиловичъ, по приглашенію исправника, отправился съ нимъ въ лѣсъ Вербоново и тамъ обратился къ народу съ увѣщаніями не вѣрить мнимому чуду. Для такихъ же увѣщаній приглашенъ былъ и ксендзъ Цыбульскій. Тѣмъ не менѣе, не смотря на *совокупныя мѣры полиціи и духовенства*, крестьянская масса съ трудомъ разубѣждается, жертвуя своими подавненіями. Собрано уже до полуторы тысячи рублей, и возникъ вопросъ: куда обратить эти деньги? Желудкова, помѣщенная въ гродненской окружной лѣчебницѣ, по освидѣтельствованіи врачами, оказалась страдающей нервнымъ разстройствомъ, вслѣдствіе котораго она подвержена истерическимъ припадкамъ и галлюцинаціямъ.

Какъ бы, кажется, не знать, что въ дѣлѣ вѣры всякое противодѣйствіе начальства только усиливаетъ послѣднюю, что полная терпимость есть единственная здравая политика, въ особенности въ настоящее время, когда о безусловной вѣрѣ въ подобныя чудеса нигдѣ, внѣ кружковъ возбужденныхъ сектантовъ, не можетъ быть и рѣчи? Нѣтъ, все же считаютъ нужнымъ прибѣгать къ „совокупнымъ мѣрамъ полиціи и духовенства“.

Какъ далеко пошелъ скептицизмъ по отношенію къ мнимымъ чудесамъ и явленіямъ, видно изъ разсказа одной латышской газеты (см. „Петербург. Газ.“ 1885 г. 4 апр.) о крестьянинѣ, къ которому явился „Господь Богъ и 3 ангела въ бѣлыхъ блестящихъ одѣяніяхъ“. Крестьянинъ принялъ ихъ съ почетомъ, но далъ знать полиціи, которая и нашла при нихъ скрытое оружіе. А между тѣмъ изъ подробнаго разсказа видно, что „небесные гости“ вели себя довольно умно и осторожно, въ духѣ сказаній о „переходахъ апостольскихъ“.

Относительно возбужденности фантазія у сектантовъ въ „Ист. Вѣстн.“ 1887 г. (№ 2, стр. 316) приведенъ такой фактъ: когда

извѣстный знатокъ раскола Мельниковъ отнялъ у раскольниковъ икону Казанской Божьей Матери, среди нихъ составилось сказаніе, что Господь наказалъ его за это слѣпотою; но дьяволъ возвратилъ ему зрѣніе.

Къ сектантамъ подходятъ отдѣльные случаи восторженности, близкіе, съ другой стороны, къ религіозному помѣшательству. Въ „Совр. Изв.“ за 1883 г. (30 авг.) разсказана печальная исторія крестьянина Давида Жудруна (Волинской губ.), который, начитавшись житій святыхъ, „сталъ видѣть галлюцинаціи: къ нему являлись Варвара великомученица и др. святые“ и убѣждали его предать свое тѣло на добровольное мученіе, указывая ему на примѣръ Авраама, готовившагося принести въ жертву сына. Жудрунъ подвергъ себя самосожженію. Когда онъ почувствовалъ боль отъ огня, онъ сталъ звать ко св. Варварѣ, а потомъ закричалъ: *караулъ!*

До сихъ поръ мы говорили о проявленіи міоологическаго міросозерцанія въ случаяхъ, ничѣмъ, кромѣ личной инициативы, не мотивированныхъ; теперь переходимъ къ общественнымъ бѣдствіямъ и важнымъ историческимъ событіямъ, при которыхъ суевѣріе принимаетъ, такъ сказать, *появольный* характеръ ¹⁾, и міоологически настроенная фантазія начинаетъ работать съ особой энергіей.

Изъ міоовъ, приуроченныхъ къ отечественной войнѣ 12 года, можно бы составить цѣлую книгу; мы беремъ на выдержку нѣсколько фактовъ разныхъ порядковъ.

Будущій министръ народнаго просвѣщенія, одинъ изъ ученѣйшихъ людей своего времени, адмиралъ Шишковъ, лѣтомъ 1812 г., какъ онъ самъ разсказываетъ въ своихъ запискахъ (1831 г. стр. 33—4), разъ во время дороги увидѣлъ на небѣ два облака; одно имѣло форму рака, а другое—дракона, и вотъ ракъ сталъ блѣднѣть. Началъ Шишковъ раздумывать, какую изъ имѣющихъ всту-

¹⁾ Эпидемическія проявленія суевѣрнаго страха и галлюцинированія бываютъ иногда и безъ всякаго повода, въ особенности въ монастыряхъ, школахъ и пр. Когда-то подобные случаи вели людей на костеръ: кому неизвѣстна исторія несчастнаго Урбэна Грандье? Одинъ изъ послѣднихъ случаевъ былъ въ Берлинѣ лѣтомъ 1890 г., когда во всѣхъ городскихъ школахъ сталъ шалить духъ, явившійся въ образѣ „неуклюжаго мѣшка“ и особенно пугавшій дѣвочекъ, чуть не до серьезныхъ несчастій (подробный разсказъ см. въ „Бессарабск. Вѣстн.“ 22 авг. по Berliner Tageblatt).

пить въ борьбу державъ должны изображать какое облако; и вдругъ онъ сообразилъ, что ракъ, конечно, Россія. „Эта мысль утѣшала меня всю дорогу“, прибавляетъ онъ ¹⁾.

Когда Французы заняли Смоленскъ, полковникъ *Эйлеръ* (лютеранинъ?) интересовался знать, какое евангеліе читаютъ на молебнѣ Смоленской Божьей Матери, и правда ли, что въ немъ говорится о возвращеніи Богородицы послѣ 3-хъ мѣсячнаго отсутствія? (Лук. I, 56). „Такъ и сбылось“, замѣчаетъ современникъ *Жиркевичъ* ²⁾.

По словамъ *Аракчеева*, правительство въ то время утилизировало возбужденность фантазіи народа, чтобы укрѣпить въ немъ вѣру въ побѣду Россіи: шарлатану *Леппиху* поручили строить воздушный шаръ и окружили его приготовленія возможнымъ эффектомъ и таинственностью; кромѣ того, велѣли отливать какія-то особенныя пули для истребленія *Наполеона* ³⁾. По „Разсказамъ бабушки Благово“ (1885 г. стр. 154), въ кружкахъ интеллигентныхъ ходило сказаніе „будто бы въ 1811 г. самъ *Бонапартъ* пріѣзжалъ въ Москву, разумеется пересодѣтый, и все осматривалъ, такъ что, когда въ 1812 г. былъ въ Москвѣ, онъ нѣсколько разъ проговаривался своимъ: это мѣсто мнѣ знакомо; я его помню“. Это „общее мѣсто“ о хитрыхъ завоевателяхъ, проникающихъ пересодѣтыми въ станъ или въ столицу непріятельскую, которое мы встрѣчаемъ и въ сказаніи объ *Альфредѣ Великомъ* и въ былинѣ о *Волхѣ Всеславичѣ*. Въ данномъ случаѣ его пріуроченію, вѣроятно, способствовали слова *Наполеона* о его знакомствѣ съ Москвою по планамъ и рисункамъ. Та же *Благово* сообщаетъ двѣ благочестивыя легенды о подмосковныхъ святыняхъ: „Троица“ потому не была занята французами, что когда *Наполеонъ* посылалъ туда свои отряды, всякій разъ на землю спускался такой густой туманъ, что французы не могли дойти. А преподобный *Савва* явился во снѣ *Евгенію Богарне* и обѣщалъ ему счастливое возвращеніе, если онъ ничего не тронетъ въ его *Саввиномъ монастырѣ* (близъ *Звенигорода*). *Богарне* охранялъ монастырь и, уѣзжая, взялъ съ собою икону св. *Саввы*; *Максимиліанъ Лихтенбергскій* будто бы

¹⁾ Ср. многочисленныя гаданія по именамъ и начальнымъ буквамъ ихъ, игравшія видную и часто трагическую роль въ исторіи Византіи.

²⁾ Записки *Жиркевича*, „Русск. Стар.“ 1874, т. 10, стр. 650.

³⁾ „Русск. Стар.“ 1877 г., т. 20, стр. 718—9.

самъ рассказывалъ объ этомъ, когда прѣзжалъ въ 40-хъ годахъ (стр. 172—3).

Смерть государей всегда обставляется цѣлымъ рядомъ сказаній, большею частію имѣющихъ фактическое основаніе, но такое ничтожное, что только крайняя возбужденность фантазіи могла придать ему значеніе.

Графиня Шуазель Буффе рассказываетъ, что осенью 1824 г. императоръ Александръ, говоря съ нею, жаловался на множество занятій; его осаждаютъ дѣлами, „точно не надѣются больше увидѣть“. „Какое предчувствіе!“ восклицаетъ рассказчица: „*Въ слѣдующемъ году* онъ отправился въ обычное путешествіе и не вернулся“¹⁾. Д-ръ Тарасовъ, присутствовавшій при смерти Александра I, рассказываетъ²⁾, что 13 ноября въ Таганрогѣ государь во 2-мъ часу дня спросилъ свѣчи, влѣдствіе внезапно наступившей темноты отъ густого облака; свѣчи оставались горящими и тогда, когда горизонтъ очистился. Камердинеръ Анисимовъ замѣтилъ, что это дурная примѣта, и государь для *его успокоенія* позволилъ ему убрать ихъ. По разсказу Дурова³⁾, уже самъ государь заговорилъ, что свѣчи напоминаютъ покойника, и придалъ этому случаю большое значеніе. Вообще объ этихъ свѣчахъ говорила вся Россія и ихъ пріурочивали къ разнымъ моментамъ изъ послѣднихъ дней жизни императора. Въ разсказахъ о томъ, что въ гробу вмѣсто тѣла Александра I лежала кукла, или что гробъ былъ пустой⁴⁾, а государь скрылся въ Америку или проживалъ потомъ въ Сибири, проявился *оптимизмъ* народной фантазіи, которая не можетъ примириться съ мыслью о преждевременной смерти *героя*. Любопытно, что этотъ оптимизмъ проявился даже по отношенію къ несчастному Ивану Антоновичу; тетушка вышеназванной Благово, Римская-Корсакова, проживавшая во время покушенія Мировича въ Шлиссельбургѣ, рассказывала⁵⁾, будто Иванъ Антоновичъ былъ красавецъ и умница, и будто вмѣсто него убили другого, а онъ спасся отъ смерти. Этотъ оптимизмъ часто играетъ фатальную роль, являясь поводомъ для появленія самозванцевъ и причиной удачи ихъ.

1) „Русск. Стар.“ 1872 г. Т. 20, стр. 621.

2) „Русск. Стар.“ 1872, VI, 123.

3) Ibid. VI, 157.

4) Ibid. 134.

5) Разсказы бабушки Благово. 1885 стр. 346—7.

Относительно смерти императора Николая I въ Разсказахъ Панаева о Меншиковѣ ¹⁾ находимъ такой научно обставленный, но крайне бѣдный содержаніемъ миѳъ: въ день смерти императора Меншиковъ, выѣзжая изъ Севастополя, посмотрѣлъ на часы и сказалъ: „Тридцать три минуты перваго“. Этотъ часъ по граду-самъ, минутамъ и секундамъ петербургскаго меридіана соответствовалъ 20 минутамъ перваго, роковому часу кончины императора ²⁾. Немного богаче содержаніемъ и слѣдующія „предзнаменования“: На первой недѣлѣ Великаго поста 1855 г. въ Казанскомъ соборѣ пѣвчіе вмѣсто многолѣтія провозгласили императору по ошибкѣ вѣчную память. На похоронахъ гр. Протасова почетный караулъ отдалъ честь „къ погребенію“ государю и пр. (Моск. Церк. Вѣд. 1886 г. № 49, статья П. С.). Изъ событій царствованія Николая I народную фантазію наиболѣе возбудила холера 1831 г. Было бы несправедливо думать, что только „чернь непросвѣщенная“ вѣрила въ отраву: графъ Опперманъ, умирая отъ эпидеміи, требовалъ, чтобы произвели анализъ колодезной воды ³⁾.

Кончина Александра II вызвала къ жизни массу сказаній, вращавшихся въ обѣихъ столицахъ и десятками попадавшихъ въ газеты: были знаменія и на небѣ, и на кремлевскихъ башняхъ; игралъ роль и гербовый императорскій орелъ, священная птица еще со временъ римскихъ. Самый родъ и видъ смерти Царя-Освободителя былъ многократно предсказанъ задолго до событія. Еще въ 1818 г., въ годъ его рожденія московскій юродивый Феодоръ предсказалъ, что онъ „будетъ могучъ, славенъ и силенъ, будетъ однимъ изъ величайшихъ государей міра, а все-таки (кончилъ онъ съ ужасомъ) умереть въ красныхъ сапогахъ“ ⁴⁾. Повидимому, въ этомъ случаѣ можно прослѣдить и самый генезисъ миѳа. Юродивый Феодоръ, вѣроятно, былъ начетчикъ (иначе высокопоставленныя особы едва ли бы стали интересоваться его

¹⁾ „Русск. Стар.“ Т. 19, стр. 480.

²⁾ На совпаденіе чиселъ (родъ гаданія, чрезвычайно распространенный въ Византіи) всегда и вездѣ обращается особое вниманіе; въ книгѣ „Черты и анекдоты изъ жизни императора Александра I“ (С.-Пб. 1877, стр. 115 — 6) доказано, что число 12 въ жизни императора играло особую и странную роль.

³⁾ „Русск. Стар.“ 1878, т. 22, стр. 487.

⁴⁾ „Вѣстникъ“ 5 янв. 1885 г., изъ газ. „Свѣтъ“ (изъ статьи В. К—ва). Срв. „Моск. Церк. Вѣд.“ 1886, № 49.

словами) и зналъ книгу, нарицаемую «Гранографъ», въ которой не разъ поминаются красные сапоги, какъ знакъ императорской власти въ Византіи, и Феодоръ хотѣлъ сказать этимъ только, что Александръ умретъ на престолѣ. Выраженіе не было понято, но осталось въ памяти; впоследствии же невольно прибавили только ужасъ предсказателя.¹⁾ При коронаціи Александра II сорвался колоколъ; знаменитый когда-то въ Москвѣ Иванъ Яковлевичъ Корейша на вопросъ о значеніи событія отвѣтилъ: «не скоро, но великое бѣдствіе для государя—*взрывъ воздушныхъ стихій*»²⁾. За 14 лѣтъ до ужаснаго событія одинъ сумасшедшій послушникъ Сергіевой пустыни (близъ Петербурга) раскаленной кочергой выжегъ на портретѣ Александра II, писанномъ проф. Лавровымъ, ноги государя «почти также», какъ впоследствии онѣ были разбиты бомбой. На спиритическихъ сеансахъ кончина государя была предсказана за 2 года, за 3 дня и за 2 дня³⁾.

И въ другихъ странахъ Европы при смерти государей и другихъ высокихъ особъ, въ особенности любимыхъ народомъ, фантазія не бездѣйствуетъ, но тамъ ея проявленія большею частью принимаютъ стереотипныя, установившіяся формы, напр. призрака (обыкновенно бѣлой или черной дамы), появляющагося передъ смертью членовъ царствующаго дома. Такой призракъ есть не только у гогенцоллернскаго и габсбургскаго домовъ, но и у баварскаго (Nymphenburgfrau), гессенскаго, дармштадтскаго⁴⁾ и пр.; когда-то такіе семейные призраки были почти и во всякой аристократической фамиліи, при чемъ сказаніе мотивировало безпокойное блужданіе „женщины“ обстоятельствами ея жизни и смерти. Извѣстно, какъ художественно воспользовался такимъ сказаніемъ Грильпарцеръ въ своей „Прабабкѣ“ (Die Ahnfrau). Изслѣдованіе о природѣ этой *бѣлой* (варр. черная и полубѣлая) *женщины* завело бы меня слишкомъ далеко⁵⁾; только мимоходомъ замѣчу, что эта фигура составлена изъ разнородныхъ элементовъ, но, повидимому, на почвѣ германской: здѣсь есть и воспоминаніе о свѣтлой и мудрой богинѣ,

¹⁾ По словамъ репортера въ то время надъ красными сапогами смѣялись.

²⁾ „Очевидно, здѣсь прямой намекъ на взрывъ 1-го марта“,—говоритъ репортеръ.—³⁾ Ibid.

⁴⁾ Краткій сводъ см. въ „Од. Вѣстн.“ 1891 г. ноября 1, по газетѣ: Galignani Messenger.

⁵⁾ О ней см. у Я. Г р и м м а, Deutsche Mythologie. 3 Ausg. стр. 914 и слѣд.

и олицетвореніе судьбы, и древнее представленіе души человѣческой, и позднѣйшее христіанское наслоеніе; только для отдѣльныхъ случаевъ можно примѣнять толкованіе Аѳанасьева объ облачной дѣвѣ¹⁾. Черезъ Польшу, очевидно путемъ устной передачи, эта фигура проникаетъ и къ намъ на юго-западъ, и въ 1812 г. она звонитъ въ соборный колоколъ, предсказывая общественное бѣдствіе.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ „Temps“ была пересказана современная баварская легенда о чудотворной жидкости, принадлежавшей имп. Вильгельму и служившей причиной долголѣтія его самого и его ближайшихъ сотрудниковъ; кронпринцъ не удостоился получить ея, и потому умеръ такъ рано. Это мнѣ новѣйшей формации, хотя и основанный на средневѣковомъ представленіи (о жизненномъ элексирѣ).

Зато явные слѣды глубокой древности носятъ оживающія при всякой эпидеміи сказанія о появленіи олицетворенной болѣзни въ видѣ страшной женщины, которая ходитъ по городамъ, селамъ и домамъ и въ послѣднемъ случаѣ своимъ положеніемъ у постели больного или другимъ способомъ даетъ знать о предстоящемъ исходѣ болѣзни²⁾. Судя по сообщенію газетъ, этотъ мнѣ живъ въ настоящее время на западѣ въ самыхъ интеллигентныхъ кругахъ: лордъ Сифортъ обстоятельнѣйшимъ образомъ повѣствуетъ, какъ онъ, будучи 12 лѣтъ отъ роду, видѣлъ въ дѣтской больницѣ безобразную старуху *скарлатину*, которая однимъ дѣтямъ вбивала въ голову гвоздь, передъ другими останавливалась, быстро проходила мимо третьихъ, а ему лорду подрапала уши. Докторъ съ его словъ будто-бы сейчасъ же записалъ видѣніе мальчика со всѣми подробностями, и потомъ „совершилось нѣчто таинственное и ужасное“: дѣти первой категоріи умерли; тѣ, передъ которыми воплощенная скарлатина останавливалась, сохранили на всю жизнь серьезныя послѣдствія болѣзни, а онъ, лордъ, оглохъ („Од. Вѣсти.“ 1892 г. февр. 23, изъ „Пет. Л.“³⁾).

¹⁾ Поэтич. возвр. II, 569, 627—9; III, 155, 168 и др.

²⁾ Лѣтомъ въ Азовѣ какой-то злой шутникъ воспользовался этимъ вѣрованіемъ и страшно напугалъ горожанъ (Од. Вѣд. 1892, ав. 24).

³⁾ По народному представленію, болѣзнь сидитъ и въ самомъ больномъ и можетъ быть изгнана огнемъ и заклинаніемъ. Вотъ что произошло недавно въ Саратовѣ въ семьѣ, которая должна бы быть интеллигентной. Два городскіе санитары производили дезинфекцію въ квартирѣ одного почтового чи-

Кстати, приведу еще два-три случая такъ наз. суевѣрнаго лѣченья и борьбы съ эпидеміей: въ Тамб. губ. въ 1889 г. бабы лѣчились порошкомъ изъ сгнившихъ частей клыка мамонта („Од. Вѣст.“ 1890 г. 17 сент.), такъ какъ все необыкновенное должно имѣть чудодѣйственное свойство, а, можетъ быть, и потому, что мамонтъ—„индрикъ звѣрь“, рогомъ котораго лѣчили и Іоанна Грознаго.

Вотъ разсказъ „Од. Вѣстн.“ (27 авг. 1892), характеризующій взглядъ современнаго еврейства на участіе покойниковъ въ лѣченіи болѣзней:

Въ окрестностяхъ города въ настоящее время живетъ на дачѣ еврейская семья. Молодая женщина изъ этой семьи расхворалась и слегла въ постель. Приглашали докторовъ, устраивали консилиумы, больную пичкали лѣкарствами, но улучшенія не наступало. Родители, родственники и знакомые судили и рядили, какъ помочь горю, и рѣшили, что нужно искать заступницу въ числѣ умершихъ близкихъ родственниковъ. У отца молодой женщины 30 лѣтъ тому назадъ умерла мать, жившая не въ ладу со своею невѣсткою, т. е. съ матерью больной. На семейномъ совѣтѣ рѣшено было, что только къ ней должны быть обращены молитвы и просьбы о помощи, тѣмъ болѣе, что мать больной въ свое время провинилась передъ покойной. Отправиться на кладбище не представляло особыхъ затрудненій, а встрѣтилось препятствіе совершенно другого рода. Дѣло въ томъ, что по правиламъ еврей, не посѣщавшіе въ теченіе 10 лѣтъ могилы своихъ близкихъ, не имѣютъ болѣе права обращаться къ нимъ, т. е. къ покойнымъ, ни съ молитвами, ни съ просьбами о заступничествѣ. Возвратить это право можно только официальнымъ извиненіемъ на могилѣ покойнаго или покойной, въ присутствіи извѣстнаго числа мужчинъ. Мать боль-

новника Z., у котораго умеръ отъ скарлатины ребенокъ. Словоохотливая хозяйка разсказала санитарамъ, какъ она лѣчила своего ребенка. „Два года мучилась я съ нимъ; все онъ прихварывалъ: „собачьей старостью“ былъ боленъ. Ко всемъ докторамъ обращалась,—никто не помогъ. Наконецъ, одна женщина дала мнѣ совѣтъ, и я сдѣлала слѣдующее: истопила русскую печь и приготовила ее, какъ для печенія хлѣба. Передъ заслонкой печи развела небольшой огонь, ребенка привязала къ лопаткѣ, какъ хлѣбъ, и, въ присутствіи двухъ другихъ женщинъ, быстро сажала черезъ огонекъ въ печь и вынимала изъ печи. Одна изъ присутствовавшихъ при этомъ женщинъ спрашивала каждый разъ: „Что печешь?“—„Собачью старость“,—отвѣчала я.— „Такъ пеки хорошенько!—и такъ до трехъ разъ!...“ („Новости Дня“ 4 іюля 1893 г.).

ной такъ и поступила: пригласила съ собою на кладбище нѣсколькихъ мужичинъ, извинилась и повинилась въ непростительномъ забвеніи покойной свекрухи, затѣмъ долго молилась, плакала и просила объ оказаніи помощи больной внучкѣ. Затѣмъ она захватила комъ земли съ могилы, зашила эту землю въ ладонку и надѣла ее своей больной дочери. Въ ту же ночь больной приснился страшный сонъ. Къ ней явилась старая женщина и грозно требовала, чтобы ей возвратили комъ земли, взятый съ ея могилы.—Чего ты пристала?—билась больная во снѣ:—я тебя не знаю.—Да, ты не знаешь,—возразила старушка,—потому что тебя еще не было на свѣтѣ, когда я ушла къ своимъ праотцамъ Аврааму, Исааку и Іакову. Это правда, ты не знаешь, но твой отецъ меня знаетъ. Скажи ему, что къ тебѣ явилась женщина, и передай ему такія-то примѣты. Старушка рассказала ей примѣты и продолжала:—онъ будетъ знать, кто я,—и передай ему, чтобы онъ мнѣ возвратилъ то, что взяла его жена, твоя мать... Больная проснувшись въ страшномъ испугѣ. Она разбудила отца и мать и рассказала имъ о своемъ сновидѣніи. Горести семьи не было предѣловъ. Причина этой горести кроется въ слѣдующемъ. Появленіе во снѣ покойника съ какимъ-нибудь даромъ означаетъ у евреевъ, что мольбы услышаны и что послѣдуетъ облегченіе; появленіе же покойника безъ дара и тѣмъ болѣе съ требованіемъ—сулитъ несчастіе. На другой день мать больной снова была на кладбищѣ и послѣ долгихъ молитвъ высыпала изъ ладонки могильную землю. На больную же этотъ сонъ такъ подѣйствовалъ, что она въ настоящее время находится въ очень плохомъ состояніи.

А вотъ что сообщаетъ „Нов. Тел.“ 1893 г. 5 янв. о борьбѣ съ холерою:

Каменецъ-Подольская еврейская община, въ виду отклоненія дѣйствія холерной эпидеміи, порѣшила послать письменную просьбу Богу объ избавленіи каменецкихъ евреевъ отъ страшной гостыи. Сообразивъ, что послать такую просьбу возможно только посредствомъ покойника, сказанная община избрала десяти праведныхъ евреевъ съ духовнымъ раввиномъ во главѣ, которымъ поручено было исполнить задуманное. Уполномоченные праведники, являсь къ первому умершему еврею, сперва совершили надъ нимъ надлежащее омовеніе, очистивъ покойника отъ всѣхъ грѣховъ, дабы избранный для такого важнаго посланія явился на тотъ свѣтъ совершенно безгрѣшнымъ и, слѣдовательно, правоспособнымъ на эту миссію. Затѣмъ просьба, написанная „сойферомъ“ (духовнымъ писцомъ) на пергаментѣ и подписанная духовнымъ раввиномъ и уполномоченными десяти евреями, вручена покойнику, которому вмѣстѣ съ тѣмъ внушено передать прошеніе по назначенію. Вслѣдъ за этимъ

покойнаго снесли на кладбище при многочисленномъ стеченіи евреевъ, благоговѣнно провожавшихъ гробъ до могилы. По рассказамъ старожиловъ, подобное событіе имѣло мѣсто 40 лѣтъ тому назадъ въ одномъ изъ захолустныхъ еврейскихъ городковъ Волынской губерніи. Повтореніе же этой суевѣрной выходки въ настоящее время въ Каменецъ-Подольскѣ свидѣтельствуєтъ, что каменецкіе евреи и теперь еще погружены въ такой-же фанатизмъ, какъ евреи того захолустнаго городка 40 лѣтъ тому назадъ.

Внѣ такихъ экстренныхъ случаевъ, какъ война, эпидемія, смерть Государя или другого высокочтимаго лица, которые возбуждаютъ и объединяютъ все общество, такъ наз. интеллигенція отличается отъ простаго народа не тѣмъ, что она свободнѣй отъ миогическаго міросозерцанія (я не думаю, чтобы въ самыхъ отдаленныхъ деревняхъ *тринадцать* за столомъ такъ пугали хозяина, какъ пугаютъ многихъ изъ насъ, или чтобы крестьяне такъ тщательно избѣгали начатія дѣла въ понедѣльникъ), а тѣмъ, что ходячіе въ ней миогі иного порядка, а иногда—происхожденія ¹⁾.

Изъ тѣхъ 250—300 вырѣзокъ и выписокъ, которые по этому отдѣлу находятся въ моемъ распоряженіи (приводить ихъ въ большемъ количествѣ было бы излишне уже и потому, что для собиранія ихъ существуетъ особый журналъ „Ребусъ“ и есть цѣлыя книги, какова напр. „Простая рѣчь о мудреныхъ вещахъ“ М. П. Погодина, выдержавшая, не смотря на свою крайне небрежную редакцію, рядъ изданій), во 1-хъ явствуєтъ, что миогологически настроенные интеллигенты тщательно избѣгаютъ входить въ изслѣдованіе сущности своихъ вѣрованій, и даже сообщенія свои обыкновенно озаглавливаютъ: „изъ міра *таинственнаго*“, „изъ міра *западныхъ* явленій“, „изъ *спорной* области“, или какъ-нибудь иначе съ вопросительнымъ знакомъ; во 2-хъ, легко заключить, что здѣсь миогъ оказывается по формѣ болѣе простымъ, некрасиво обставленнымъ, будто первобытнымъ, а въ сущности разло-

¹⁾ Интеллигенція и высшее сословіе въ этомъ случаѣ, конечно, не одно и то-же: богатая барыня Оболянинова, жившая въ Москвѣ въ началѣ нашего столѣтія, которая страдала судорогами и, когда молебны не прекращали ея страданій, выгоняла священниковъ, а иконы *оборачивала ликомъ къ стѣнѣ* („Русск. Стар.“ 1873, VIII, 845—6), и тверскіе крестьяне, которые, по разсказу академика Солнцева („Русск. Стар.“ 1876, т. XVI, стр. 271), когда въ среду и пятницу ѣли молоко, *повертывали иконы къ стѣнѣ*,—стоятъ на одной и той же ступени первобытнаго фетишизма.

жившимся на свои первоначальные элементы; оказывается, что нашу фантазію возбуждаютъ именно тѣ проблемы, съ которыми сталкивается человѣкъ въ ту пору своего развитія, когда онъ въ первый разъ начинаетъ сознательно относиться къ міру и задается вопросами о смерти, душѣ, судьбѣ, возможности знать будущее и пр.; да и рѣшенія, которыми мы довольствуемся, близко подходятъ къ анимизму полудикаря, при чемъ и самая форма возникающихъ изъ этого настроенія сказаній часто поражаетъ своей наивностью.

Около одной трети вышеозначенныхъ вырѣзокъ и выписокъ посвящены сбывшимся предсказаніямъ пророковъ и пророчицъ, какъ профессиональных, такъ и случайныхъ, при чемъ эти пророки не окружаютъ себя импонирующей таинственностью (она унизила бы ихъ въ глазахъ интеллигентныхъ людей, такъ какъ напоминала бы простонародныхъ колдуновъ), и способы гаданія употребляютъ самые стереотипные, обыкновенно заимствованные съ запада, такъ сказать, литературнымъ путемъ. Такъ, напр., какая-то постоянная посѣлительница кулисъ Александринскаго театра въ Петербургѣ (незначительная актриса или прислужница?) *по линиямъ руки* предсказываетъ всѣмъ грядущія бѣдствія. „Двѣ недѣли играть, а потомъ умирать“, говоритъ она молодой и здоровой актрисѣ, и та дѣйствительно умираетъ, мучась отъ страха при воспоминаніи о пророчествѣ ¹⁾. „Сегодня — все, черезъ три дня — ничего“, говоритъ она же богатому актеру, и у того пожаръ истребляетъ все имущество. Откуда пророчица получила свой даръ, остается совершенно неизвѣстнымъ. Женщина, сама, повидимому, не вполне вѣрующая въ силу гаданія по картамъ, предсказываетъ влюбленному бракъ съ предметомъ его страсти въ опредѣленном мѣсяцѣ; предсказаніе исполняется, и фактъ попадаетъ въ разрядъ таинственнаго ²⁾. Четырехлѣтній ребенокъ зоветъ мать „проститься“ съ другимъ ребенкомъ; тотъ вскорѣ умираетъ; въ этомъ видятъ ясное предсказаніе ³⁾. Рылѣевъ примѣняетъ къ себѣ извѣстную поговорку: „кому быть повѣшеннымъ“ и пр.; *послѣ событія*

1) „Суфлеръ“ за 1884 г. „Изъ міра таинственнаго“.

2) Погодинъ «Простая рѣчь» и пр., изд. 3-е, II, 27.

3) Ibid. 29.

это возводить въ „предчувствіе Рылѣва о своей судьбѣ“ ¹⁾ Скопцы предсказываютъ (sic) имп. Павлу, что если онъ не остережется, то кончитъ такъ, какъ не помышляетъ. Этотъ вѣрный расчетъ принимается за таинственное предвѣдѣніе ²⁾. Цѣлая литература возникла по поводу петербургской гадалки, предсказавшей Пушкину опасность отъ бѣлаго человѣка ³⁾, и хотя констатировано, что она же предсказала ему двукратную ссылку и также опасность отъ „бѣлой лошади“ и „бѣлой головы“, Дантесъ же былъ вовсе не бѣлый, а только бѣлокурый, любители таинственного игнорируютъ бѣлую лошадь и пр., переселеніе поэта въ Михайловское считаютъ вторичной ссылкой и привлекаютъ къ дѣлу бѣлый мундиръ Дантеса.

До чего плохо обставлены бывають „загадочныя“ явленія въ XIX в., видно, напр., изъ разсказа о Каховскомъ ⁴⁾, которому за 9 лѣтъ была предсказана его смерть на висѣлицѣ. Два гвардейскіе юнкера лежатъ съ книгами; входитъ каретникъ, всматривается въ ихъ лица и вдругъ говоритъ: „вотъ что я вамъ скажу: одинъ изъ васъ будетъ повѣшенъ, а другой пойдетъ своей дорогой“. И кроткіе юнкера въ отвѣтъ на это неделикатное и непрошенное предсказаніе только „улыбнулись!“

Или возьмемъ другой случай: у богатаго москвича больна дочь. „Въ бреду ей представлялся часто старикъ, блѣдный, худой, съ всклоченными волосами, съ сѣдой бородой, въ ветхомъ рубищѣ, съ подвижными глазами“. Дѣвушка говорила о немъ такъ много, что онъ „поселился въ воображеніи всѣхъ ее окружающихъ“. Дѣвушка умерла; отецъ ея по просьбѣ одной несчастной женщины приходитъ въ острогъ и видитъ тамъ еврея-старика „точь-въ-точь, какъ описывала въ бреду покойная“. Онъ оказывается невинно осужденнымъ, и отецъ дѣвушки спасаетъ его отъ незаслуженной казни ⁵⁾. Наивная грубость разсказа здѣсь драгоцѣнна для наблюдателя: она указываетъ, изъ чего возникали болѣе обдѣланныя сказанія

¹⁾ См. подъ этимъ заглавіемъ замѣтку Фелькнера въ „Русск. Стар.“ 1872, VI, стр. 440—1.

²⁾ Погодинъ ib. 28.

³⁾ См. сводъ у Погодина I. с. 18—25.

⁴⁾ Погод. 25—6, изъ „Русск. Стар. 1874, сент., стр. 179.

⁵⁾ Погод., ib. 65—7.

на подобныя темы: подмѣните несчастный исходъ болѣзни и отца дочерью, и будетъ готова канва для законченной легенды.

Около половины остальныхъ моихъ выписокъ рассказываютъ о томъ, какъ люди чудеснымъ, таинственнымъ образомъ узнавали о смерти дорогого лица, находившагося далеко отъ нихъ: очень часто является самъ умирающій проститься; иногда видѣніе возстановляетъ всю его обстановку (если эта обстановка красива, напр. на полѣ битвы); но чаще только одна фигура мелькнетъ на минуту съ печальнымъ лицомъ; рѣже слышенъ голосъ изъ другой комнаты; фигура можетъ быть совершенно ясной; но если сообщающій привыкъ къ точности и обладаетъ трезвымъ умомъ, онъ самъ запишетъ, что фигура была блѣдна, неопредѣленна ¹⁾; иногда вмѣсто явленія фигуры слышится какой-нибудь странный звукъ, напр. „выстрѣлъ въ печкѣ, какъ бы изъ ружья“ ²⁾, упадетъ портретъ, разбивается вещь, принадлежащая умирающему, и пр.; а иногда и того нѣтъ: у человѣка только сердце сжимается, чувствуется невыразимая тоска и страстное желаніе ѣхать туда, гдѣ въ эту минуту дорогое существо разстается съ жизнью. Это предчувствіе очень часто является результатомъ мрачнаго, угрожающаго сновидѣнія. Сонъ, начиная съ эпохи варварства и до нашихъ дней, разсматривается, какъ такое состояніе человѣка, когда душа отдѣляется отъ тѣла, посѣщаетъ отдаленныя мѣста, предупреждаетъ близкихъ людей объ опасности, сама страдаетъ за нихъ и пр. Величайшее художественное воспроизведеніе этого вѣрованія см. въ «Страшной мести» Гоголя. Душѣ соннаго человѣка иногда приписываются и матеріальныя дѣйствія, напр., превращеніе бѣлаго фонаря въ красный, чтобы предупредить желѣзнодорожную катастрофу и т. д.

Вѣщіе сны предсказываютъ, по словамъ рассказчиковъ, „съ поразительной точностью“ и событія меньшей важности, часто радостныя, напр. полученіе подарка отъ высокопоставленнаго лица ³⁾, побуждаютъ поспѣшить по денежному дѣлу ⁴⁾, указываютъ, гдѣ

¹⁾ Митроп. Платонъ самъ рассказываетъ, что видѣлъ три *женскія* головы, когда умерла его мать и двое дѣтей. „Од. Вѣстн.“ 1892 г. 7 октября, изъ „Кіевлянина“.

²⁾ Ibid. Ср. Погод. I. с. 92—8.

³⁾ Погод. I. с. 31—32, разск. В. Н. Панаева.

⁴⁾ Ibid., 71, рассказъ А. И. Кошелева.

найти потерянную важную бумагу и пр. Дикари въ подобныхъ случаяхъ видятъ проявленіе силы душъ предковъ; интеллигентные люди считаютъ это областью, „гдѣ гордый, пытливый умъ человѣческій долженъ умолкнуть“ ¹⁾.

Призраки мертвецовъ являются и во снѣ, и на яву по разнообразнымъ поводамъ: они посѣщаютъ живыхъ въ силу своего общанія ²⁾; убитые являются требовать христіанскаго погребенія, законнаго отмщенія за свою смерть (какъ въ извѣстномъ классическомъ разсказѣ о двухъ путешественникахъ), при чемъ указываютъ, гдѣ найти ихъ тѣло, и иногда способъ уличить убійцу; являются требовать наказанія за оскорбленіе ихъ могилы и пр. По многочисленнымъ сказаніямъ этого рода духъ умершаго оказывается тѣсно связаннымъ съ мѣстомъ нахожденія трупа (хотя-бы и истлѣвшаго), и форма его проявленія—та же самая форма, въ которую онъ облакался при жизни (старомодный костюмъ и пр.) Трупъ, не похороненный съ обычными обрядами, вызываетъ усиленные проявленія и передвиженія духа; это вѣрованіе идетъ отъ первобытной культуры черезъ героевъ Иліады и доходитъ почти въ первоначальной свѣжести до нашихъ дней, такъ какъ оно основано на психологическомъ законѣ ассоціаціи представленій по мѣсту.

Также первоначальна и вѣра въ людей, обладающихъ особыми сверхчужественными способностями, изъ которыхъ главнѣйшія сводятся къ такъ наз. *двойному зрѣнію*, т. е. способности видѣть съ закрытыми глазами, черезъ нѣсколько комнатъ, черезъ запечатанный конвертъ и пр., короче сказать: видѣть невидимое. Эта способность приписывается нервнымъ больнымъ, умирающимъ, а также магнетизерамъ и другимъ *особеннымъ* людямъ, импонирующимъ на воображеніе публики. Наблюдатели указываютъ на различные, болѣе или менѣе остроумные способы, посредствомъ которыхъ эти люди ухитряются очаровывать толпу; но остроуміе далеко не такой важный помощникъ ихъ, какъ „миологическое міровоззрѣніе“ публики и отсутствіе наблюдательности въ моментъ возбужденія фантазіи.

¹⁾ ib. 32

²⁾ ib. 85—7. Рассказчикъ выражается глухо о томъ, было-ли явленіе на яву или во снѣ.

— Какого цвѣта голубое платье на этой особѣ? спрашиваетъ балаганный магнетизеръ ясновидящую съ повязкой на глазахъ, и всѣ поражены вѣрностью ея отвѣта ¹⁾.

Тотъ-же психическій законъ дѣйствуетъ и не въ однихъ балаганахъ.

Менѣе первобытна, но также относится къ глубокой древности и вѣра въ судьбу, которую грекъ считалъ богинею, выскаль изъ мрамора, власть которой онъ то распространялъ на весь міръ, то приурочивалъ къ отдѣльнымъ городамъ и даже лицамъ, ²⁾ которую наши предки представляли себѣ то очень картинно въ видѣ *Дом*, то въ видѣ „книги живота“, написанной и хранимой въ небесахъ; современный человѣкъ утратилъ эту мифологическую пластику, но удержалъ представленіе о непонятной силѣ то спасающей, то губящей насъ. Одному „судьба“ захлебнуться въ избѣ ³⁾, другому—„не судьба“ утонуть и въ открытомъ морѣ. Ни реальныя, ни моральныя основанія не мотивируютъ ея приговора, а участіе ея явствуетъ именно изъ *неожиданности* гибели или спасенія, которая принимается за таинственную, чудесную и стало быть нуждается въ подстановкѣ мифической фигуры.

Я не буду останавливаться на такъ наз. спиритизмѣ и связанномъ съ нимъ медиумизмѣ, такъ какъ во 1-хъ это предметъ очень обширный, требующій для своего изслѣдованія большихъ подготовительныхъ работъ, на которыя я не имѣлъ ни средствъ, ни времени, а во 2-хъ литературное его происхожденіе—фактъ общеизвѣстный. Я позволю себѣ только мимоходомъ замѣтить, что основныя положенія спиритовъ: готовность душъ умершихъ людей входить съ нами въ сношенія и временное переселеніе души умершаго въ тѣло живое, при чемъ воля послѣдняго подчиняется или замираетъ (медиумизмъ),—уже давно служатъ предметомъ наблюденія антропологовъ и этнографовъ, изслѣдующихъ вѣрованія дикарей: близкое участіе, принимаемое *духами предковъ* въ жизни потомковъ, и объясненіе безумія, болѣзни, а также и дара пророчества черезъ вселеніе добраго или злого духа—факты, давно и

¹⁾ «Харьк. Вѣд.» за 1894 г. 26 іюня, изъ «Русск. Курьера».

²⁾ См. F. Allègre: Étude sur la déesse grecque „Tyche“ etc. Paris 1889. ср. Bouché Leclerc въ Revue de l'histoire des religions 1891 № 3.

³⁾ Погодинъ, I. с. 77.

прочно установленные ¹⁾. Укажу также и на то, что многіе сторонники спиритизма относятся съ глубокой симпатіей къ нѣкоторымъ народнымъ вѣрованіямъ явно миѣческаго характера. Такъ, напр., не такъ давно въ «Ребусѣ» ²⁾ былъ помѣщенъ очень красиво составленный очеркъ г-жи А. М. о *летунахъ*, т. е. призракахъ умершихъ или отсутствующихъ людей, являющихся тѣмъ, кто очень по нимъ тоскуетъ (преимущественно женамъ). „Галлюцинація это, вызванная скорбью, или дѣйствительность?“ спрашиваетъ въ заключеніе авторъ. Уже самое названіе *летунъ*, тождественное съ болѣе старой формой *летаецъ*, какъ терминъ для обозначенія бѣса, особаго рода, извѣстнаго на западѣ подъ именемъ *инкуба*, указываетъ на то, какой разрядъ явленій имѣтъ въ основаніи это вѣрованіе. Мы видѣли влюбленнаго бѣса и въ древнихъ апокрифахъ; знаемъ его и по апокрифическому житію Петра и Февроніи Муромскихъ, гдѣ онъ также принимаетъ черты отсутствующаго мужа.

Есть еще разрядъ суевѣрія, распространенный въ интеллигенціи, разрядъ столь обширный, что отмѣчать его проявленія и невозможно, и излишне; это суевѣрія, построенныя на извѣстной логической нелѣпости: *post hoc, ergo propter hoc*. Извѣстно, что люди съ наиболѣе трезвымъ и сильнымъ умомъ не могутъ часто противостоять искушенію принять связь по времени за связь причинную, и хотя знаютъ, напр., отъ медиковъ, что какое-нибудь невинное средство не можетъ быть причиною прекращенія извѣстнаго болѣзненнаго явленія, все же обращаются къ нему, если одинъ разъ за его употребленіемъ послѣдовало улучшеніе. Но въ этомъ „суевѣріи“, когда оно проявляется въ чистомъ, неосложненномъ видѣ, нельзя усматривать миѣческой основы; часто-же причиною его является совершенно законный скептицизмъ по отношенію къ извѣстной области положительнаго знанія (напр., къ медицинѣ) и пытливость человѣческаго ума: кто не знаетъ массы такихъ случаевъ, когда причинная связь, незамѣтная сразу, устанавливалась позднѣе, путемъ наблюденій и болѣе точнаго изслѣдованія?

¹⁾ См. Антропологию *Тэйлора*, русск. пер. О постукиваніяхъ, бросаніи предметовъ, заклятыхъ домахъ и пр. въ древней Руси см. въ моей выше-названной статьѣ.

²⁾ Въ концѣ прошлаго года?—См. газету „Вѣстникъ“, отъ 24 янв. 1894 г.

Изъ этого калейдоскопа разнообразныхъ фактовъ я позволю себѣ сдѣлать слѣдующіе выводы:

Отголосковъ міеологической старины въ современномъ обществѣ гораздо больше, нежели можетъ показаться съ перваго взгляда; и подѣ влияніемъ событій, возбуждающихъ воображеніе, народная фантазія дѣйствуетъ по тѣмъ-же законамъ и съ тѣми-же приѣмами, при помощи которыхъ она когда-то разрабатывала содержаніе національнаго эпоса.

Всѣ эти отголоски могутъ быть названы *переживаніемъ* въ томъ смыслѣ, что они унаслѣдованы нами отъ болѣе или менѣе отдаленной старины. Но если подѣ переживаніемъ разумѣть такой остатокъ прошлаго, который утратилъ живой смыслъ и имѣетъ только символическое значеніе, то едва лишь небольшая часть такихъ отголосковъ подойдетъ подѣ это опредѣленіе; все же остальное окажется жизненнымъ проявленіемъ міеологическаго міросозерцанія.

Эти отголоски должны быть собираемы съ возможною тщательностью, и при достаточномъ накопленіи матеріала внимательное изученіе ихъ должно дать съ одной стороны очень яркое представленіе о настроеніи и степени развитія эпохи, а съ другой—важныя указанія для общихъ положеній антропологіи и этнографіи.

Въ этихъ отголоскахъ рельефно отражаются главнѣйшія фазы прошлаго, и изслѣдователь долженъ различать въ нихъ слои: языческій, христіанскій, литературный, долженъ отдѣлять миѳы новѣйшей формаціи отъ миѳовъ древнихъ; онъ долженъ изучить постоянные типы, стереотипныя формы, подѣ которыми содержаніе подставляется по мѣрѣ надобности; долженъ различать общечеловѣческое отъ индоевропейскаго и отъ національнаго, туземное отъ заимствованнаго и въ заимствованномъ долженъ опредѣлить способъ заимствования.

Для рѣшенія общихъ теоретическихъ вопросовъ по міеологіи и народному эпосу эти отголоски и обломки, съ перваго взгляда такіе жалкіе и часто вызывающіе глумленіе,—конечно, не со стороны этнографовъ,—должны имѣть чрезвычайно важное значеніе, такъ какъ здѣсь нѣтъ нужды въ предположеніяхъ и догадкахъ: здѣсь матеріалъ доступенъ точному наблюденію и провѣркѣ, и если уступаетъ другому по качеству, зато въ количествѣ его долго не будетъ недостатка, только бы нашлись охотники собирать его.

А. Кирпичниковъ.